

Алёна Комарова

Эхо преступления,
или Интервью с Царевной

Алёна Александровна Комарова

Эхо преступления, или Интервью с Царевной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69216553

SelfPub; 2023

Аннотация

Вторая книга о журналистке Маргарите Белозёровой. Прошлые приключения не оставили её без негативных последствий – она потеряла работу. Но отчаиваться она не любила. Маргарита никогда бы не добилась успеха в профессии, если бы с завидной периодичностью не влезала в расследования. Она снова попадает в опасные ситуации. Убивают двух её одноклассниц. Подозрения падают на школьного друга Романа. Естественно, она решает доказать его невиновность. И тут началось... Обстоятельства складываются так, что она и сама уже сомневается в его невиновности. А у полиции всего три подозреваемых. Кто возглавляет список ни для кого не секрет, но под вторым номером стоит она сама. Расследуя убийства, она раскрывает другие преступления. Действовать решительно и беспощадно – её кредо, но как себя вести, если преступление тесно связанные с любимым человеком? Но целая картинка мира лучше его частей, осталось собрать все воедино и не погибнуть от рук безжалостного убийцы, устроившего охоту на Риту.

Алёна Комарова

Эхо преступления, или Интервью с Царевной

Она перевернулась и почувствовала, что кровать закончилась, скоро появится пол. Этого допустить нельзя было, поэтому Рита неимоверным усилием, обманув законы физики и притяжения, вернулась в исходную позицию. Отвыкла от дивана, а с вечера поленилась его разобрать, и теперь чуть не бабахнулась с него. И все это через сон, который лениво отступал.

Рита открыла глаза, узнала комнату. «Детская». Рита давно вышла из этого возраста, но иногда жалела об этом.

В этом доме все дышало спокойствием – белоснежный тюль, через который нагло пробивался яркий солнечный луч, старое кресло с потертым гобеленом, на полочке танцующая парочка, застывшая перед поцелуем. Разве можно в этом доме думать о плохом? Здесь все дышало уютом и приятными воспоминаниями. Чтобы подумать о тяжелом, пришлось закрыть глаза и погрузиться во внутренний мир размышлений, таких же мрачных и серых, как речные валуны. Они медленно, но окончательно разрушали надежду. Следствие перемалывающего процесса – испорченное настрое-

ние, апатия и депрессия. Хотя всю свою осознанную жизнь, то есть с рождения, была уверена, что депрессия – оправдание слабаков.

Возвращение в родную деревню оказалось неизбежным. Причина – не ностальгия.

Все решилось само собой. Можно даже утверждать, что без участия Маргариты.

Несменные активисты, они же бывшие одноклассники (хотя бывших одноклассников не бывает) спланировали встречу выпускников. Не смирились с тем, что всех торжественно разметало время, решили собраться снова, и снова торжественно. Они создали группу в мессенджере, устроили активную переписку с не менее активными приглашениями.

В другой раз Рита могла бы отказаться. Не то чтобы она не желала видеться с одноклассниками, а по причине (не менее уважительной, кстати), работа журналистки захватила свободное время, превратив его в несвободное. Раньше ей приходилось много работать. Поиски сенсаций, расследований и написание статей отнимало много времени. Его катастрофически не хватало. Так было раньше.

Все изменилось, когда разозленный и обиженный Ковылёв устроил Рите большие сложности. Рита ощутила силу Ковылёва и столкнулась с явными признаками кронизма (хотя в этом случае уместно русское слово кумовство). Евгений Васильевич устроил ей гонение. Он не поленился собственноручно набирать номера телефонов соседних редакций и

«предупреждать» конкурентов о своей бывшей сотруднице. Он закрыл все двери, и Рита потеряла работу.

Удивительно, но все должно было быть наоборот. Именно на это рассчитывала Рита, когда выводила главного редактора журнала «Деловой юг России» и его помощника Олега Тюнина по делу о «Грязи» на чистую воду. Вот тебе и несправедливость справедливости. Безобразное искажение кривого зеркала. Чувствуешь? Грязь – чистая вода. Наказание Ковылёва – пострадала Рита. Но справедливости ради, нужно заметить, что Тюнина наказали, ценой свободы некоторых участников грязного дела. Но как Рита не пыталась добиться справедливости, оббивая пороги прокуратуры, Евгений Васильевич отмазался. Естественно не без помощи заинтересованных в этом деле лиц. Елена Данилова – главная фигурантка, а по совместительству свидетельница и обвинительница – скоропостижно отъехала. Нет, не умерла – что самое обидное – если бы умерла, то было бы понятно. Но она просто смылась из страны, оставив Риту с малой крохой доказательств, которые не смогли (или не захотели) убедить прокуроров, и которые смогли (и очень захотели) развеять клыкастые адвокаты. Дело по загрязнению экологии не сдвинулось с места, как бы в этом не помогал Илья Кириллович Кузнецов.

В свое время полицейский помог ей в спасении неблагодарной Даниловой. Девушка пыталась заработать крупную сумму денег при этом утопить своего начальника – большую

шишку. Шишка оказалась непотопляема. Доказать смогли только нападение телохранителя большой шишки Никиты и Тюнина на Елену. А зубастые адвокаты смогли спасти хулиганов от реального срока. В этом опять помог факт отъезда пострадавшей особы. Рита подозревала, что особа вовсе не пострадавшая, во всяком случае, вышла из дела с плюсом на банковской карте, потому что смогла себе позволить уехать в прекрасный город Париж.

И так получилось, что единственной пострадавшей стороной оказался борец за справедливость. Не кто иной, как она. Рита помыкалась в поисках работы, но оказалось, что Ковылев – беспощадный мститель. Он устроил черную войну, зная об авторитетном влиянии. Разослал во все редакции анти-рекомендательные письма, в которых ключевой фразой жирными буквами бездушного компьютерного почерка стояло: «Ее журналистская фантазия не знает границ. Ей бы сценарии к фантастическим фильмам писать, а она в журналистику ударилась. Никогда не проверяет информацию. Бесит своей некомпетентностью. Приняв ее на службу, замучаетесь по судам ходить». Волчий билет во всех редакциях был обеспечен. Одна фраза и пара предложений убила в остальных редакциях желание нанимать дилетанта. Удивительно, насколько Рита считала себя боевой бесстрашной девушкой, она боялась доказывать всем, что Ковылёв ее оклеветал. Но самое смешное, что если бы в такой ситуации оказался другой человек, она бы подняла на уши пол-России, прихватив

с собой часть ближнего и дальнего зарубежья, используя все возможности покрытия интернета и влияния социальных сетей. Но за себя бороться было слабо и стыдно. Казалось, что себя оправдывать можно только в суде. В процессе злостного клевета выяснилась неприятность, что очень легко испортить ей репутацию. После дела о «Грязи» имя журналистки Маргариты Белозеровой было заляпано грязью. Вот такое вот проклятье кривого зеркала.

Бессильным оказался и Кузнецов. Рита Белозерова Илье Кирилловичу была благодарна. Он помог ей. Вел дело убийства профессора Курилова и его жены Марии Филипповны и не сразу разглядел в Рите достойную звания детектива, хотя и считал дилетантом. Но любительница (может, фанатка) Шерлока Холмса оказалась дотошной сыщицей. Она вычислила убийцу, не смотря на то, что он закрутил с ней роман. По его мнению, любая девушка, оказавшись на месте Риты, должна была растаять в объятиях мужчины. Но Рита считала, что влюбиться не равно ослепнуть. Рита заметила, что он подозревает в ней расчетливого математика, просчитывающего чувства. Позже оказалось, что полицейский питает к ней тайное уважение и готов пожать руку.

Все это ничто, когда Ковылёв выкинул тебя за борт и пристукнул веслом. Он потопил ее. Всплыла она на острове, заселенном дикарями. Они не только не хотели ее слушать, они кидались на нее с претензиями, закидывали кокосами и пытались съесть. В принципе им это удалось. Она сдалась и

стала подумывать о том, где и в каком убежище зализывать свои раны.

Через некоторое время выяснилось, что безработный журналист – голодный журналист. Не сказать, что это было неожиданностью, но точно неприятно. Информационный голод оказался намного страшнее. Писать рекламные лозунги или выдумывать громкие названия статей, которые сами по себе отдельные истории, за которые ее могли осудить, она не желала, но подозревала, что к этому все идет. Становиться писакой в желтой прессе Рита отказывалась категорично и всерьез подумывала сменить профессию. Ей хотелось писать. Поэтому часто ловила себя на мысли, что социальные сети – ее скорое будущее, наступающее, как монстр. Будучи человеком вдумчивым и способным на анализ, Рита заметила, что сети развивались независимо от развития их хозяев. Быть одной из миллиона обладательниц ников-лайков-хештегов и попасть в удручающую статистику, она не желала, но подозревала, что осталось два варианта развития ситуации: смириться и быть раздавленной нелюбимым делом, превратиться в интернет-мыслителя, или смириться и быть раздавленной нелюбимым делом, превращаясь в выдумщицу сенсаций с захватывающими замысловатыми названиями. Оба варианта ей казались тупиковыми. Во всяком случае морального удовлетворения, которое она испытывала от реальных журналистских расследований, она не получит никогда.

Поэтому когда прочитала в группе одноклассников клич

слёта, Рита не стала отказываться от приглашения. Решила взять временный самоотвод от поисков работы и отдохнуть. Хотя прекрасно знала, что отдых голодной журналистки – не принесет морального удовлетворения. Но хотя бы отвлечет от черных будней.

Она, собрав всю силу воли в кулак, а вещи в чемодан, переехала из города в деревню, решив, что поездка на малую родину может оказаться полезной – повидается с бабушкой. Бабушка Надежда Семеновна год назад категорически отказалась переезжать с внучкой в город. Рита не настаивала, знала, что там бабушка зачахнет. Женщина всю жизнь прожила в этой деревне, в доме на земле, с огромным огородом и садом, посаженным еще дедушкой. Это не просто дом, это место воспоминания. Это место жизни, это место силы. Как она может променять дом, в котором воспитывала дочку, внучку и, иногда дедушку с зятем, на двухкомнатную квартиру в железобетонном небоскребе. Как она может променять цветущий весной сад на пальму на балконе, а урожай персиков и клубники на генно-модифицированную или напичканную нитратами. Рита все это понимала, поэтому не настаивала, только для приличия предложила, зная ответ.

– Мое дело предложить, твое дело – отказаться – пошутила она и переехала в город одна.

Бабушка благословила и на дорогу перекрестила единственную внучку. Год назад она прекрасно понимала, что Рита не сможет остаться. Бабушка была уверена, что раз-

витие личности в деревне стремится к нулю, при этом буйно развивается деградация. А список хороших, неженатых, благополучных и перспективных парней заканчивался ровно на первом пункте, и то с большой натяжкой. Можно было бы сузить спектр показателей, но не хотелось. Парень мог быть хорошим и перспективным, но женатым. Поэтому бабушка старалась выпроводить внучку в город. Если она останется, то зачахнет, так же как бабушка в городе.

И вот вчера она приехала, попросив бабушку не афишировать ее приезд. Просьба была излишней, бабушка и не собиралась это делать, она ведь все понимала без слов.

– Любой из нас хоть раз терял работу. Если, конечно ты не попадаешь под две категории счастливицов: первые – отправились на пенсию, прослужив сорок лет на Заводе имени Ильича по производству советских будильников и дисков для телефонных аппаратов. Вторые – еще не приступали к труду – не доросли еще. Была, конечно, третья категория, но она считалась – условно-счастливыми. Эти уволились сами, в поисках лучшей зоны комфорта.

Рита не попала никуда. Ее уволили. Без права восстановления. С дурной славой, опережающей свою хозяйку на несколько дней вперед. Без возможности найти порядочное место работы связанное крепкими нитками с журналистским делом.

– Тебе нужно развеяться – неуместно предложила бабушка, веря, что развеиваться нужно в сложных ситуациях.

Рита была противоположного мнения, считая, что праздники можно устраивать только в благополучные времена, а не тогда, когда не знаешь, чем займешься завтра. Но спорить не стала – не было сил и желания.

Аня Симонова с утра пораньше устроила атаку чата одноклассников, засыпала эсемесками. Уточняла списки, меню, количество шампанского, коньяков и тортов. Одноклассники в ответ только молчали, думая, что инициатива наказуема. Тогда Аня позвонила Рите. Можно было попытаться счастья и отмазать себя от встречи выпускников, (именно отмазать, потому как другого способа своего спасения она не находила), но было подозрение, что ей это не удастся. Активистка Аня Симонова решила собрать всех одноклассников на юбилей окончания школы и от своего плана не отступила ни на пункт.

– А цветы учителям не покупали? – лениво нежась в постели, спросила Рита, когда были продублированы вопросы из общего чата.

– Ромка купит. Я вообще слышала, что цветы тебе готовят.

– Мне? – опешила Рита, подозревая, что ослышалась, потому что никак не хотела отпускать Морфея.

Но подруга умудрилась на расстоянии телефонного звонка прогнать прекрасного мужчину, воскликнув:

– Тебе-тебе.

– В честь чего?

– Звезда спустилась – подковырнула ехидная Аня, потом вспомнила, что со звездами ссориться нельзя, сбавила обороты – за твою статью под кодовым названием «Спасение учительницы сельской школы, решившей стать депутатом». После твоей статье, ей прокурор честь отдает.

– Бедный прокурор – пожалела Рита, вспомнив ту неприятную историю – без чести остался.

– Вот учителя тебе готовят цветочки – опять не удержалась Аня от скверного голоса.

«Завидовать нужно молча» – хотела посоветовать Рита однокласснице и сказала:

– Ладно, забудь про них. Какие планы? Моя помощь нужна?

– Приходи сегодня в школу, поможешь украсить зал.

Рита не стала уточнять, но подозревала, что подруга уже в курсе ее «тихого» приезда.

Договорившись встретиться в шесть возле школы, уточнив некоторые нюансы по приглашенным гостям, Рита отключила телефон и услышала бабушку. Она хозяйничала на кухне, гремела ложками, чашками и сковородой. По дому шли ароматы кофе, малинового варенья и блинов. Рита потянула носом и от удовольствия прикрыла глаза, представляя стопку ажурных блинов, смазанных сливочным маслом и присыпанных сахаром.

– Ритуль, проснулась? – Бабушка заглянула в комнату и позвала – идем завтракать.

В животе засосало, Рита сползла с дивана и довольная, в предвкушении счастья, помчалась на кухню.

Когда утренний ритуал – сначала завтрак – закончился, Рита задумалась о вопросах насущных. Настроение испортилось, и злободневные проблемы отразились у нее на лице – от бабушки не скроешь.

Она спросила:

– Что собираешься делать?

Рита вопрос не поняла, поэтому расценила его слишком объемно. Завздохала и заохала. Бабушка тут же пояснила:

– Я имела в виду сегодня.

Но было уже поздно, Рита задумалась о глобальном.

– Сегодня – ничего. И завтра тоже ничего. А послезавтра тем более. Бабуль я безработная.

– Отдохни.

– Я уже давно отдыхаю – скверным голосом ответила внучка. – А я не хочу.

Но Надежду Семеновну трудно сбить с намеченного пути – раз уж она решила поддержать внучку, она это сделает. Советами или требованиями – решит в процессе. Она знала, как разговаривать с внучкой – собственное воспитание не оставляло сомнений в результате.

– Остановись. Отдышись. Утри слезы. И вперед.

– Я не плачу.

– Тем более. Остановилась. Потопталась на месте. И пошла дальше.

– Но куда? Я не знаю направление. Бабуля, что мне делать?

– А что ты умеешь?

– Писать.

– Вот и пиши – посоветовала бабушка.

– О чем? О заботах сельских жителей?

– Напиши о том, как тебя Ковылёв кинул. Как распоследний бандит.

– Писать по наитию – это графоманство.

– А разве бывает по-другому?

– Конечно.

– И ты знаешь, как.

Вопрос прозвучал утвердительно, и Рита заподозрила, что бабушка ведет запретную игру, в которой разменной монетой станет пессимизм во благо ее таланта.

– Писать нужно не о себе, а для читателя. А кому интересно, что меня кинул Ковылёв.

– Ты меня совсем запутала.

– Писать нужно с пользой для читателей.

– Тогда напиши о всех плохих качествах Ковылёва, чтоб никто не попал в его капкан, как ты.

– Бабуль, не было никакого капкана. Все это сложно объяснить. В действительности, он меня оберегал от этого дела.

– Уберегал не тебя, а дело от тебя. Есть разница. Он преследовал свои интересы. Напиши статью под заголовком «Как распознать, что главный редактор вас обманывает»,

или, «Что со мной случилось, после увольнения и как я не растворилась в сельских буднях».

– А я точно не растворилась?

– Еще нет, но если будешь продолжать грустить, то начнутся проблемы. Потом будешь писать руководство «Как не растоптать себя бездельем». Ты же знаешь, что все проблемы от него. Люди начинают думать глупости. Делать глупости. Вспомни жену Роулова, главы администрации. Она сплетничала, плела интриги, оклеветала честного человека. Ей больше делать нечего было.

– Ты умеешь приободрить. Да, кстати, у тебя прекрасно получаются названия статей. В них скрывается целая история.

Услышав бодрые нотки в голосе внучки, Надежда Семеновна мысленно похвалила себя, за то, что когда-то давно воспитала позитивную девочку, и сегодня не пришлось долго уговаривать, переубеждать и настраивать – Рита и сама все понимала. Она учила внучку, что жизнь состоит из мелочей, но не стоит на них обращать внимание, в них можно раствориться.

Надежда Семеновна обняла ее и развеселилась:

– Пользуйся. Для тебя даром, то есть безвозмездно.

В шесть вечера Рита, как самая пунктуальная пришла к школе.

Школа отличалась своей простотой, и ничем не отличалась от всех остальных школ сельской местности. Двухэтажное здание буквой «П», серого цвета, с надписью на входе «Добро пожаловать!».

– Ничего не изменилось – сама себе прошептала Рита, вспоминая свои школьные годы, и услышала звонкий голос одноклассницы Оксаны.

– Ритуль! А-а-а! Ритка!

Оксана подбежала к однокласснице и кинулась обниматься, чем удивила Риту. Оксанка сильно изменилась. Всегда холодная, как мертвая рыба, и надменная, как королева Англии, сегодня жарко обнималась. Она была из богатой семьи, бабушка всю жизнь проработала юристом и готовила внучку к тому, что после окончания школы ей никогда не придется общаться с односельчанами. Но Судьба распорядилась иначе. Поэтому Рита удивилась ее горячим объятиям. Долго удивляться Рите не позволили. Следом за Оксаной на нее накинулись Аня Симонова и Ромка Беликов.

– Вся банда в сборе – радостно огласил Беликов, поднимая подругу детства на руки.

Он закружил ее в объятиях.

– Прекрати эти карусели – запищала Рита.

Посидев полчаса на спортивной площадке, точнее на железном заборе, как куры на насесте, повспоминав яркие события одиннадцатого класса, точно также покурили, прячась за заросли сирени и Ромкину широкую спину. Беликов, как

факир вытащил бутылку пива и предложил распить.

– Как в давние времена. С горла.

Девушки ещё помнили давние времена, поэтому отказались. И Беликову пришлось выпить его саму, хотя он был этому рад.

Вложив окурочек Ромке в кулак, и надеясь, что он донесет его до урны, Аня спохватилась:

– Давайте воспоминания оставим на завтра. Когда все соберутся, тогда и вспомним.

– Да, точно, пойдёмте, там нас Лидок ждёт.

Лидок – директриса школы, она же Лидия Николаевна, действительно ждала и уже заждалась. Причем, по своему характеру, всем своим видом показывала свое надменное недовольство.

Лидия Николаевна встретила бывших одноклассников в коридоре возле своего кабинета. Рита в очередной раз отметила, что в школе тоже ничего не изменилось, даже классы остались на своих прежних местах, никакой перестановки и обновления. Справа от директорского – кабинет математики, а слева – географии.

– Мы же договорились, что вы в шесть придёте – стала отчитывать Лидия Николаевна своих бывших учеников, как бы забыв, что они уже давно бывшие ученики. – Ничего не изменилось. На уроки тоже опаздывали. И так же курили за кустами на спортивной площадке.

– Да, ладно вам, Лидия Николаевна, – возразила Аня – мы

же сто лет не виделись.

– Особенно вы – указала она на троих и повернулась к Рите – Маргарита, очень рада тебя видеть.

– Я тоже – честно призналась Рита.

– А я вообще-то тоже не живу в деревне – объявила Аня и хитро улыбнулась – хотя всё может измениться.

– А почему мы лишены такого же радостного приема? – засмеялся Ромка.

– Потому что вы не писали статью о Марине Николаевне – отмахнулась Лидочка от парня.

Лидия Николаевна на правах хозяйки школы, а по совместительству директрисы и экскурсовода, провела любимых учеников по школе. Не смотря на строгий характер, она любила своих учеников. Тем более в этом возрасте все бывшие проказы, за которые ей приходилось вызывать родителей, перешли в стадию мелких шалостей, которые было смешно вспоминать.

– Нам отремонтировали актовый зал. Занавес купил местный предприниматель. Сцена ожила.

– Зарабатывает пятерки своим детям?

– Кажется, у него еще нет детей.

– Авансом – не унимался Ромка.

Неисчерпаемый родник Ромкиной иронии бил ключом. Рита улыбнулась.

Лидия отмахнулась от него и вспомнила, что имеет право отчитать балагура:

– Не выдумывай, Роман! Сергей сделал это от чистого сердца. Он предприниматель. Живет напротив школы...

– Это Громозека что ли? – перебил Ромка. – Тогда понятно. Он подлизывается. Дети его боятся, как огня.

– Ну ты балабол – шикнула Аня.

Лидия кивнула, впервые соглашаясь с девушкой. Она открыла дверь в актовый зал и щелкнула выключателем. По всему периметру побежали нежные огоньки. Преображение помещения не заметить было тяжело. Ромка присвистнул. Аня с Оксаной победительно хмыкнули. Рита изумилась. Действительно зал изменился. Мрачный коричневый цвет, который помнила Рита, заменили на персиковый, грязный серый потолок перекрасили и украсили лепниной. Лидия, как факир пальцами, щелкнула выключателем. На стене вспыхнул прожектор, освещая сцену. Дальнюю стену украшала легкая декорация из воздушного материала с фотографией просторов ромашковых лугов.

Тронутая сквозняком, она шевельнулась. Показалось, что стены раздвинулись, и вся компания очутилась на настоящем поле. Реалистичное погружение в театральное волшебство, мистическим образом игнорируя эффекты.

– Теперь театральный, танцевальный и вокальные кружки ведет учительница Леночка Миткина.

– Смешно вспомнить – усмехнулся Ромка. – Она ведь скакала с двойки на тройку.

– Зато красиво пела – возразила Лидочка.

– И танцевала. На дискотеках. Помним, помним – хитро улыбнулся Ромка.

– В ней харизма и дети к ней тянутся.

Оксана одернула друга:

– Рома, что ты вспомнил старое. Люди меняются. Берутся за голову.

Спускаясь по лестнице, Лидочка вспомнила:

– Мы знали, что ты приедешь.

– Откуда? – изумилась Рита, боясь, что слава об её позорном увольнении добралась до родной школы.

– Догадались – улынулась Лидочка. – Поэтому купили тебе цветы. Благодарность за спасительную статью. Боюсь, что до торжественного вручения цветы не доживут. Поторопились мы купить. Поэтому вручу их сейчас. Ты не возражаешь?

Рита знала, что даже возражения не остановят Лидочку. Пришлось согласиться.

– А у вас вазы для цветов нет? – поинтересовался Ромка, когда торжественная часть вручения цветов состоялась и ему пришлось придумывать куда всунуть охапку цветов.

– Нет, – стараясь не замечать злого двоечника, отмахнулась учительница. Женский коллектив полностью переключился на украшение зала. Обсуждался вопрос о расстановке столов и меню.

– А банки? Трехлитровой – не отставал «злостный двоечник».

– Нет, Роман, нет.

– Да понял, я. Мне можно два раза не повторять.

– Я хорошо помню тебя на уроках. Мне хотелось лично для тебя повторять пять раз.

– У меня был переходный период, взросление – шутили во оправдывался Ромка – пубертатный возраст. Поэтому не воспринимал пятьдесят процентов информации, а та, которая воспринималась, была отвергнута моим взбалмошным организмом.

– Надеюсь, сейчас все прошло.

– Конечно. Я молод, красив и взрослый.

– Информацию хорошо принимаешь, с первого раза?

– От вас, прям с полувзгляда.

Она действительно зыркнула на него – одарила испепеляющим взглядом. Ромка знал, что он не птица Феникс – не сможет возродиться, поэтому быстро ретировался.

– Вот. Все понял. Ухожу.

Решили украсить столовую точно так же, как пятнадцать лет назад украсили ее для выпускников. Предусмотрительная Симонова, подготовилась ответственно. Она даже распечатала фотографии того времени, чтоб восстановить все до мелочей.

Было нетрудно догадаться, что все придумала Аня, причем заранее. Это было в ее стиле, сначала обдумать до мелочей, а потом подвести всех к нужному решению. Раньше это было закономерностью – спонтанно прогулять урок, на кото-

рый Аня и не собиралась идти. Причины могли быть серьезные – не подготовилась к контрольной работе, и несерьезные – надоело учиться, и глупые – разве нам в жизни пригодится физика?, и сумасшедшие – поехали в город, нам пора развешаться. Самое смешное, а может даже трагичное, что вся компания ее слушалась. Лидерство брало верх над разумом.

Но Рита похвалила:

– Затронула ностальгические струны души.

– Симонова, где ты нарыла столько компромата? – удивился Ромка, заметив фотографию, на которой он прятал бутылку портвейна. Дешевое вино испортило праздник некоторым малолетним выпускникам, которые возомнили себя в одночасье взрослыми. – Я помню, как после него некоторое время сидел в кустах в позе умирающего лебедя.

– Нашел о чем вспоминать – заметила Лидия, повидавшая за годы директорской работы и не такое.

– Не, ну действительно, посмотрите, наша медалистка с сигаретой в руках. А так искусно скрывала.

– Интернет помнит все – ответила Аня на Ромкин вопрос.

Естественно полчаса вся компания рассматривала запечатленную память.

– А вот весь класс в сборе – достал из недр кучи снимков общую фотографию Беликов.

Почему-то Рите стало грустно, глядя на нее.

– О, желторотики, несмышленные ребята – дрогнувшим от эмоций голосом, констатировала Лидочка.

– Некоторые до сих пор такие – усмехнулась Оксана.

Ромка пожал плечами, догадавшись, что речь идет о нем, но спорить не стал. Вообще Рита заметила, что между ними нарастает конфликт. Но вспомнила, что «любовь» друг другу они несут с детского сада, с того самого момента, когда Оксана выбила Ромке молочный зуб за то, что он дернул ее за обе косички.

– Где мы возьмем такую же вывеску с нашим годом выпуска? – скептически заметил Ромка.

– Вы что, дети мои? – усомнилась в умственных способностях Лидия – вы меня недооцениваете.

– Извините – тоном противоположного значения, протянул Роман.

– Вообще-то, я храню все вывески. Пойдемте, поищем. В кладовке библиотеки.

– Ой, у меня аллергия на пыль – отказалась Оксана.

– На труд у тебя аллергия – не зло поправил Роман.

– Или на книги – весело подхватила Аня.

– Вообще-то я читаю.

Это не было конфликтом, но и веселым настрой не чувствовался. Аня хотела казаться легкой в общении. Она как будто возвращала друзей. Но Оксана по непонятной для Риты причине, не хотела возвращать дружбу с Симоновой, зато радостно встречала Белозёрову. Так во всяком случае позже будет думать Рита. Но сегодня ей просто не хотелось быть свидетелем перепалок. И она вызвалась:

– Я пойду. А вы не расслабляйтесь. Еще шарики надувать.

– Ой, у меня голова кружится, когда я шарики надуваю
– Оксана была вынуждена признаться, что и от этого дела отказывается.

– Ксю, – слишком нежно начала Аня – а что ты можешь?

Рита под предводительством директрисы поторопилась ретироваться с поля еще несостоявшегося боя, надеясь, что вернется не к руинам.

В коморке библиотеки действительно было пыльно и пахло бумагой и типографской краской – приятный дуэт ароматов воплощения книжного духа. Отчасти от любви к пыли старины Рита стала журналисткой. Что-то побудило ее оставить следы своего труда если уж не в истории, то хотя бы на бумаге.

Лидия не питала желания ковыряться в десятилетней пыли, поэтому быстро оставила Риту, найдя себе более чистое занятие.

– Ты ищи, Риточка, а я пойду шарики надувать, а то Рома с Аней не справятся.

Исторический архив школьной жизни оказался огромным. Плакаты, стенгазеты, вывески и прочие бумажные тубы были перетянуты резинками. От старости некоторые припались к бумаге, некоторые трескались только от прикосновения, рулоны раскрывались, ненавязчиво демонстрируя детский труд в виде работ приуроченных к датам или праздникам. Сама не собираясь этим заниматься, Рита пересмотре-

ла уйму материала. Напиталась положительными эмоциями, перебрав кучу плакатов. По закону подлости нужная вывеска оказалась в самом дальнем углу коморки на самой верхней полочке самого ветхого шкафа. Все как полагается, хорошо, что не за нарисованным очагом коморки папы Карло и золотой ключик не понадобился. Рита развернула вывеску, убедилась в подлинности – год соответствовал выпуску ее класса – и выкарабкалась из-за завалов архива. Не успев выйти, она услышала голоса. Они звучали совсем рядом, возможно напротив двери с другой стороны.

Рита притихла. Что-то внутри груди стукнуло так, что она остановилась. Видимо это была интуиция, вынуждающая не выходить. Она же требовала выслушать мужчину и женщину, не смотря на возгласы совести, называющей действия своими именами – выслушивать равнозначно подслушать. Если уж судьба распорядилась так, что Рита стала свидетелем чужого разговора, то приходилось утихомиривать совесть.

– Я перевезу вещи – требовательно прошептала женщина.

– Аня, ты торопишь меня. – Несмотря на раздражение, Беликов тоже скрывал этот разговор, поэтому не повышал голос.

– Рома, я не буду с ним жить. Он меня уже окончательно достал. Он уже конченный алкаш. Что ты усмехаешься? Ты думаешь, я его таким сделала?

– Твой ангельский характер.

Рита оценила. Не смотря на серьезность разговора, Ромка не забывал дружески издеваться. Симонова шутки не воспринимала. Огрызнулась.

– Ты как хочешь, но я от мужа уйду. И приду я к тебе.

– Звучит устрашающе.

– Я надеюсь, ты меня понял. И до моего прихода реши все свои проблемы с другими женщинами.

– Ты моя единственная проблема – томным голосом проговорил Рома.

Все стихло. Рита превратилась в сплошной слух. Она не могла разобрать, что происходит за дверью, но понимала, что афишировать свое присутствие еще рано. Если бы одноклассники ушли, она бы слышала шаги. Но в коридоре воцарилась непонятная тишина. Рита устала прислушиваться и собралась выходить. Перехватила рулон с вывеской и шагнула к двери. Взялась за ручку.

– Ну все, хватит – прохихикала Аня за дверью. – Не сейчас.

– А я уже настроился – признался Рома.

– И уж точно не здесь.

– Не в храме знаний и науки? Боишься разгневать школьных богов?

– Пойдем уже, а то Рита с Оксаной нас с потрохами сожрут.

Рита удивилась мнению одноклассницы в свой адрес, но доказывать, что в ее рацион не входят люди, не собиралась,

и тем более афишировать проявление любопытства из-за закрытой двери. А свое отсутствие в столовой можно объяснить увлекательными поисками в коморке.

Она слушала удаляющиеся шаги и прислушивалась к внутреннему голосу. Он напоминал звук скольжения пенопласта по стеклу.

Где-то внутри каждого человека живет интуиция и ее нельзя игнорировать – так сама себе утверждала Рита. Прислушиваясь к ней, Рита замечала, что получает нужную информацию. Для журналиста это всегда первостепенно. Иногда информация оказывалась важной. Некоторая могла набрать свою силу чуть позже. Иногда она была пустая и могла не пригодиться. В таком случае была возможность выкинуть ее из головы и забыть.

Сегодня интуиция Риты была уверена, что этот разговор предвестник беды. И на закономерный вопрос, заданный самой себе, почему Рита не предотвратила беду, она ответила: да потому что не знала, откуда ее ждать.

Рита вошла в столовую и усомнилась сама в себе. Может ей все показалось? И Ромка с Аней не целовались только что под дверью библиотеки. Они вели себя друг с другом холодно. Постоянные колкости больше напоминали болезненные уколы дуэлянтов. Хотя Ромка вел себя так со всеми. Оксаны не было. Директриса скучала над шариками. Рома спас ее, получив эстафету, надувал шары, завязывал и передавал их Ане. Она вскарабкалась на лестницу, подвязывала. Увидела

Риту и спросила:

– А где Оксана?

– А я откуда знаю? – пожала плечами Рита. Уточнять, где была, она не стала.

– Наша принцесса ничего не хочет делать – подытожила Симонова.

Оксана вошла в столовую и услышала последние слова. Разозлилась. Психанула. Это читалось на лице, хотя всегда была человеком, которого не заботит общественное мнение.

– Что значит, ничего не хочу делать? Что мне теперь в туалет выйти нельзя? Сама-то где была?

– Я курить ходила – крикнула Аня из-под потолка.

Рита попыталась остановить лавину скандала:

– Оксана, не обращай внимание.

Лидия чувствовала накал страстей.

– Да, подруги, вы сюда поскандалить пришли? Я ведь могу и закрыть лавочку. Никакой вам встречи выпускников не будет. Будете в кафе встречаться. Там и посуду можете бить.

– Посуду?! – выкрикнула Оксана. – У нас и до лица может дойти.

Прозвучало как обещание и надежда, что все-таки именно битьем лица все и закончится. Рита попыталась вразумить:

– Оксана...

– Слушайте, я устала. Я пойду домой. Малого еще кормить.

Оксана действительно выглядела уставшей. Она быстро

всех оглядела, игнорируя Аню, и вышла. Рите показалось, что у нее в глазах мелькнула слеза.

Симонова скривилась и пробубнила:

– Вот что в старости гормоны с человеком делают.

Лидия, упрекая, вздохнула:

– Анька, у тебя язык совсем без костей. Подругу обидела.

– Да когда они подругами были? – заметил Ромка – как кошка с дворнягой. Повод для спора с чистого пола поднимут. Соперницы.

Аня никогда не обижалась на Беликова, но сегодня взглянула на него раздраженно. Чувствовалось, что с уходом Оксаны у всех испортилось настроение. Все как-то замолчали. Украшать зал в полной тишине было не уютно. Вскоре Лидочка засобиралась домой, остальным пришлось последовать её примеру. У крыльца школы все распрощались и разошлись в разные стороны. Только Беликову и Рите было по пути.

– Давай сюда свои букеты, помогу – предложил Ромка, хватывая у нее цветы. – Надеюсь у меня нет аллергии на будущую икебану.

– Если ты будешь медлить, в икебану они превратятся в твоих руках.

– Не переживай, сейчас вазу найдём.

– Люблю тебя, такой находчивый.

– Пошли ко мне, покажешь свою любовь.

– Вынуждена отказаться от твоего предложения.

Он восхищался ею, как ни одной женщиной на свете, а уж поверьте, женщин у него было много.

Вместе они вышли со двора школы, Ромка тут же закурил сигарету и предложил ей.

– Ромчик, ты много куришь – отказавшись, заметила Рита.

– Сейчас брошу. Окурочек за угол. Слушай, Ритка, ты чего такая правильная стала?

– Так я и была правильная.

– Шифровалась – засмеялся своей шутке Ромка.

– От тебя скрывала – поддержала веселье Рита и поинтересовалась, когда Рома свернул с дороги на тропинку. – Куда мы идем?

Он выставил букеты перед собой на вытянутых руках и ответил:

– Так цветы же поставить в воду надо. Ты же сама сказала, что ваза нужна.

– Нужна. Только я не пойму, куда мы идем?

– Не думай, не размышляй.

Они сошли с асфальтированной дороги и теперь шли вдоль высокого глухого забора, скрывающего двор.

– Раньше здесь Ванюшины жили. Помнишь?

– Помню. А сейчас кто живет? Не Ванюшины?

– Нет. Они переехали. В Анапу.

– Чего это они?

– Перелетные птицы, в теплые края подались. Дом прода-

ли и уехали. А помнишь, за домом пустырь был?

— Помню.

— А помнишь мы на пустыре со спичками играли и подпалили?

— Помню — улыбнулась Рита.

Это было страшно...

Им было лет по двенадцать, во всяком случае ей, Оксане, Ане и Ромке с Виталькой, а еще с ними прицепился соседский малец второклассник и девчонка лет десяти.

Они там играли, всегда, с тех пор, как сложилась их дружба, называемая компанией. И в тот день тоже отправились на пустырь.

Конечно же это не совсем пустырь, с одной стороны двор Ванюшиных, с другой лесополоса, а потом уж пустырь, до самых виноградников. Вот в лесополосе компания соорудила шалаш, в котором проводили время за играми и развлечениями.

В тот день Оксана захватила из дома подаренный ей родителями на прошлый день рождения набор трафаретов для гипсовых магнитиков. Магнетики в форме сказочных героев она сделала еще год назад, раскрасила и повесила их на холодильник. А вот гипс остался и валялся у нее в письменном столе уже долгое время. Пакетик порвался и из него высыпался белый мукообразный порошок, чем очень злил маму Инну Васильевну. Мама ругалась, что он сыпется и скоро изгваздает всю квартиру, потому что стол у дочери уже на

свинарник похож. Мама пообещала выкинуть, если он Оксане не нужен. Необдуманно Ксюха разрешила, но тут же в ней выиграло чувство собственности и детской жадности. Она нашла формочки для магнитов и в ближайшую вылазку на пустырь взяла с собой набор. Пацаны тут же подхватили эту затею, только предложив из гипса сделать формочки для отлива свинцовых игрушек. Предложение было поддержано единогласно, хотя сами девочки не совсем понимали смысла слов «отлив и свинцовых». Для них ключевым словом, не требующим объяснения, было – игрушки.

Ромка с Виталиком приехали на велосипедах, и привезли на багажниках два автомобильных аккумулятора, найденных ими в гараже отца Ромки под хламом мусора, про который он, естественно, забыл.

Аккумуляторы оказались тяжелые. Мальчишки с трудом сняли их на землю, пока девочки держали велосипеды. Потом закипела работа. Вскрыть. Достать. Вынуть. Развести костер. Растопить свинец. Все это казалось легкой работой. Но на деле...

Девочки тем временем разводили в формочках гипс, выкладывали его так, чтоб из него самого получилась формочка для отлива игрушки.

Все были при деле и предвкушении, даже малышня.

Но на деле оказалось, что крышку с аккумулятора снять тяжело, нужна пила, как предположил Ромка, или топор, как предположил Виталик. Они ходили вокруг тяжелой коро-

бочки уже битый час, а смогли только открутить крышечки.

Повозившись и исполнив все обряды над аккумулятором, примерно через час, парни опустили на траву чуть в сторонке от злополучного прибора и девочек, которые начали хихикать над мальчишками.

Расстроенные провалом операции, ребята угрюмо повесили головы и недовольно тыкали палками в землю под ногами. Настроение упало ниже этой самой земли, поворачиваться к девчонкам не хотелось, они не должны увидеть поражение на лицах отважных воинов, проигравших неравную войну. Битва с аккумулятор за свинец была проиграна.

В сердцах Ромка пробубнил ругательство в адрес победителя и достал коробок спичек. Костер теперь разводить не придется. Он чиркнул одной спичкой по боку коробка. Вспыхнула. Огонек. Сунул ее к сестрам-близняшкам в домик. Вспыхнули все. Закрыв коробок. Выкинул.

– Пошли домой – угрюмо позвал Ромка.

– Пошли – со вздохом согласился Виталька.

Они встали, но не успели сделать и шага, как кто-то из девочек закричал:

– Пожар. Пожар.

Мальчишки обернулись и увидели, что трава в нескольких метрах от них полыхает пламенем. Огонек выбрался из коробка и устроил полнейшее уничтожение сорняков.

С перепуга и в предвкушении неизбежного наказания, все кинулись тушить огонь. Кто чем. Кто веткой с зелеными ли-

стями, кто тряпкой, кто последними каплями из бутылки «Фанты».

Но это не помогало. Огонь, подталкиваемый ветром, быстро двигался по пустырю в сторону села. Опасный и коварный с едким густым дымом он продвигался к дому Ванюшиных.

Девочки догадались отправить малышню к Ванюшиным. И те уже вызвали пожарных, выбежали сами, прихватив с собой половину односельчан. Пожар потушили. А вот скандал разгорелся.

Рита хорошо помнила, как бабушка с дедушкой, краснея перед односельчанами, обещали наказать внучку. Что, кстати и сделали. Запретили выходить со двора целый месяц. Тогда Рите казалось, что это самое жестокое наказание. А сейчас, с удовольствием бы просидела во дворе год и месяц. Наказав таким образом внучку, бабушка с дедушкой провели беседу по поводу огня, пожара и последствий. А также переживаний за девочку и ее друзей. Дед при этом пару раз хватался за сердце, а бабушка тревожно спрашивала взглядом, но ответ был такой же безмолвный, дескать, все нормально. Рита всегда знала, что дед с бабой за нее переживают, но в тот день осознала, насколько эти переживания глубоки. До боли в груди. До боли в сердце.

Ни одно наказание не страшно, как последствия пожара. За аккумуляторы, кстати, парни тоже получили.

А на следующий день в школе прошел внеклассный урок

по технике безопасности обращения с огнем и недетскими приборами, на котором компания узнала, что в аккумуляторах помимо свинца есть кислота, которой легко обжечься и много всяких ядовитых веществ.

– Так вот пустырь мужик этот выкупил и расширил двор.

– Какой мужик?

– Ну, Громозека. Ты, наверное, его не знаешь. Приезжий. Но уже обосновался здесь на постоянку. Взял здесь в аренду землю, работает. Что-то выращивает. Лошадей развел. Богатый. Но злой.

– Злой? – удивилась Рита.

– Его все боятся.

– Даже ты? – не поверила подруга.

– Я с ним не сталкивался. Не пересекался. Мне до него дела нет. В селе слух ходит, что он жену грохнул.

– Ужас какой. Это правда?

– А я откуда знаю? Я ж не следователь. Бабки судачат, что была жена, а теперь нет ее. Дети его боятся. Ходили, просили, чтоб на лошадях покатал, а он им такие страшилки наговорил, что они теперь к нему ни ногой. Теперь боятся персики воровать.

– Так ведь это хорошо.

– Чего хорошего? Всю жизнь воровали, а теперь боятся.

Рита спорить не стала. Они как раз обошли глухой забор, и вышли к кованым воротам, объединяющих два двора.

От маленького переселенческого домика не осталось ни

одного камня, ещё при прошлых хозяевах, но это преобразование превосходило все позволенные фантазии. Дом увеличился, к старому пристроили комнаты, но ни один стык не выдавал недавние строительно–монтажные работы. На месте старого стоял огромный двухэтажный дом с широкой многоступенчатой лестницей к главному входу. Балясины каменные – колонны Исаакиевского дворца в миниатюре. Дворик был по-хозяйски ухоженным, ни соринки, ни травинки. На заднем плане виднелся крытый бассейн, рядом деревянная баня.

Удивительно для сельской местности. Нет, конечно же бани есть почти в каждом дворе, а вот бассейн – это настоящая роскошь, присыпанная европейским стилем и избалованностью, несвойственным местному коренному населению.

Двор без признаков огорода, сада, курятника и свинарника. Газон с нежной молодой травой, тропинки из плиточки выложены в плавных формах, мягко обходя вечнозеленые деревья. И огромные высокие кусты пионов.

Рита пришла в восторг, открыла рот и охнула.

Пионы – нежная слабость Риты. Ни к одним цветам она не относилась так трепетно и романтично.

Рита стояла, бескультурно заглядывая в чужой двор, и любясь чужой клумбой.

– А вот и ваза?

Ромка вывел её из примитивного любования живыми цветами своим возвышенным желанием спасти букеты срезан-

ных цветов.

– Что? – не поняла Рита.

Ромка тыкал пальцем сквозь прутья кованых ворот, показывая на массивный вазон, стоящий на крыльце двухэтажного красивого дома.

– Сейчас я ее достану – заявил он.

– В смысле, достану? – не поверила она своим ушам.

– Держи – он всучил ей в руки букеты и прошмыгнул в открытые ворота.

– Ты куда?

– В случае опасности свисти.

– Ромка...

– И не отвечивай здесь.

– Вернись, сейчас же.

– Я выйду, свистну.

– Свисти, когда тебя собаки покусают – предложила безжалостно Рита, уходящему во двор Ромке.

Он приложил палец к губам, юркнул между сосной и туей и скрылся.

– Супер – возмущенно устраивая букеты на кованую лавочку в одном стиле с воротами и садясь рядом, пробубнила она – ждет меня Петровка, тридцать восемь. Дожилаясь.

За ее спиной послышались топот медведя, заросли расступились, и из них вылез Ромка, точнее пока только его голова.

– Бу – напугал он.

Рита снисходительно напугалась (сделала вид) и потребо-

вала:

– Вылезай оттуда.

– Не могу, мне ваза нужна.

Объяснять ему, что это не ваза, а вазон, и скорей всего тяжёлый, как мешок цемента, она не стала. Предупредить она, конечно, могла, но не видела в этом толк. Раз уж подвыпивший человек решил чего-то добиться, он будет пытаться это делать. Не факт, что добьётся.

Заросли сошлись, и Ромкина голова исчезла, точнее он весь. Но ненадолго.

Послышался голос:

– Рит, – шептал Ромка – Ритка.

– Чего тебе? – не оборачиваясь, поинтересовалась она.

– Ты на стреме?

– Ну и сленг у тебя – кислым голосом заметила она.

– Чего?

– Три судимости за плечами?

– Чего?

– Ничего. – Она махнула в его сторону рукой и двинулась вдоль забора, думая, что будет делать Ромка при встрече с хозяином вазы, точнее вазона.

В день последнего звонка в школе на летние каникулы в клубе открывалась дискотека. Только на выходные и до двенадцати ночи. Вот только обидно, что всех отпускали из дома до одиннадцати. Но никого же это не останавливало. Утром Рита говорила бабушке, что пришла в пять минут две-

надцатого «Прости, я больше так не буду, опоздала всего на пять минут». Бабушка верила или делала вид. И на следующий вечер отпустила на дискотеку.

На следующий день и последующий месяц все повторялось. Но однажды бабушка не заснула вовремя, то есть сразу после вечерних новостей, и дождалась Риту в половине первого. Не отходя от кассы, отругала и пообещала больше не быть доброй и запереть на замок на все оставшееся лето. Рита с самого утра стала подлизываться к бабуле, вымаливать прощение и обещать не повторять свою ошибку. К вечеру бабуля сдалась.

Это сейчас Рита понимает, что бабушка сразу знала, что не станет исполнять свои обещания, но для пущей грозности и убежденности, а также видимости своего строгого характера и жесткости в воспитании, держала марку. В тот вечер она разрешила погулять с подружками до десяти часов.

До десяти!?! Ужас! Кошмар! Позор! Стыдно признаться. Лучше вообще не идти.

Но делать нечего, решила не испытывать судьбу и бабушкино терпение. В полдесятого распрощалась и отправилась домой.

По дороге из клуба ее догнал Ромка с Виталькой Рыжовым, объявили, что проводят до дома. Летний вечер. Еще малышня во дворе многоэтажки носится. В переулке возле дома бабки Игнатовой (соседки Виталика Рыжова), парни остановились и заявили:

– Клубники хочешь?

Рита не успела ответить, как двое одноклассников перескочили через забор и устроились возле него с другой стороны. Ползая на корточках, они срывали и грызли клубнику. Именно грызли. Хруст стоял на пол округи.

– Я ее еще днем, через забор заприметил – шептал Виталька. – Бабка Игнатова ее поливала, клубника шикарная. Да, Ромка?

– Да, вкусная – согласился друг и выругался – блин. Что это такое? Хрум, хрум.

– Хрум, хрум, фу, гадость. Но сладкая. Да?

– Да, хрум, хрум. Вкусная. Тьфу. Противно. Ритка, держи – Ромка протянул руки сверху забора и передал ей горсть клубники.

Рита взяла, но есть не стала. Ее насторожили звуки и реплики друзей с огорода Игнатовой.

Она дождалась, когда они, как кузнечики (в данном случае, как саранча) перескочат через забор, и продолжили путь домой. Она прижимала к груди руки, несла клубнику.

– В зубах застряла – сообщил Виталька – До сих пор на зубах скрипит.

– А я десну поцарапал – пожаловался Ромка.

– Что вы ели? – в недоумении поинтересовалась Рита.

– Клубнику – в один голос ответили парни.

– Бабка Игнатова какой-то сорт вывела. Сладкая. Ничего не пойму – цыкая языком по зубам, сообщал Ромка.

Они как раз подошли к единственному в проулке уличному фонарю, и Рита посмотрела в свои ладошки на клубнику, усиженную маленькими домиками улиток. Это они хрустели на зубах и царапали десна. Она прикрыла глаза, и, стараясь скрыть улыбку, сообщила:

– Отличный сорт – улиточный.

– Улиточный? – не понимали парни.

– Клубника с улитками – пояснила Рита, стараясь не рассмеяться в голос, показывая парням свои ладошки с салатом из клубники и улиток.

– С кем? С улитками? – Виталька осознал меню ужина из огорода бабки Игнатовой, отвернулся и сплюнул на обочину.

Ромка последовал его примеру, вспоминая:

– Ну, да. Конечно. Клубника вон какая крупная сладкая. Улитки напоззли. А мы же не видели. Там темно. Срывали и в рот.

– Бедные – не удержалась и прыснула смехом Рита.

– Да, болеть будет долго – пожаловался Ромка.

– Да, не вы, бедные. Бедные улитки.

Она смеялась звонко и заразительно, что парни тоже стали смеяться, перебивая друг друга, рассказывать ей, как ползали вдоль грядок клубники, наощупь выискивая самые крупные. Срывали и, не дунув, не протерев, закидывали в рот. И не понимали, что это за сорт такой, мясистый с привкусом ракушки.

– Пополнение организма витаминов с кальцием.

– А я еще больше проголодался – вздохнул Виталик.

«Точно саранча – подтвердила Рита – едят все в подряд»
и предложила:

– Персик хочешь?

– Хочу.

Они дошли до ворот ее двора. Рита посмотрела на темные окна бабушкиной комнаты, значит, спит уже. И прошла мимо. Дошла почти до соседского двора, но возле бани остановилась. В их с бабушкой саду возле баньки росло дерево персика. Рита запланировала завтра его оборвать и сварить варенье.

– Виталь, – шепнула она – наклони ветку. Да, да, вот эту. Опускай. Ромка срывай персики. Уверяю, они без улиток.

За забором послышался лай Лапика, пес подбежал к дереву и грозно потребовал, чтоб не лезли на его территорию. С ним за компанию залаял соседский пес. А за ним по цепочке – следующий и так пол-улицы.

Ну любят деревенские собаки так поддержать разговор, скандал и прочий лепет.

– Лапик, – позвала Рита – тише, тише. Это я. Лапик, не шуми.

Лапик узнал хозяйку, залаял менее грозно, а потом и вообще утих, следом за ним замолчали соседские собаки.

Он бегал с другой стороны забора и любопытствовал, что это там его хозяйка делает?

Вот так она воровала персик со своего же сада.

Да и то это было не воровство, и даже не хулиганство, а юношеская безобидная забава. Даже, если бы бабка Игнатова поймала их, ползающими на карачках в своем огороде, то пожурила бы пальцем, в крайнем случае пошла бы к родителям и предложила, чтоб провели воспитательную беседу со своими детьми-оболтусами.

Такие игры с воровством персика с соседских деревьев можно было играть с односельчанами, с людьми, которые знают друг друга как облупленных. Но никак не с приезжим фермером. Тем более о нем никто хорошего слова сказать не может, а дети его боятся.

Не фермер, а местная бабайка, страшилка для непослушных деток. Факт того, что он купил занавес на школьную сцену, мрачнел на фоне отзывов односельчан.

Рита повернула голову вправо и заметила ее, бабайку, точнее хозяина двора, пионов и вазонов.

– Только не он – изумилась она.

Она в панике засуетилась и помчалась в противоположную сторону, на ходу оценивая ситуацию. Если бежать вдоль забора, то ее заметят и будут лицезреть спину (если возможно лицезреть спину!) еще минут пять. Правильно оценив, но неправильно поступив, она шмыгнула в открытые ворота, пробежала по двору, завернула за ближайшую постройку и остановилась. Хозяин вошел во двор, стук его шагов по плитке был четко слышен Рите. Она попятилась задом, вдоль стенок, оперлась этим же задом в дверь и прислонилась к

ней.

Шаги приближались.

Рита представила удивление на лице хозяина, при виде ее лица, а не спины. От одной только мысли, ее повело назад, она оступилась об порог строения, потеряла равновесие и провалилась...

Девушка охнула, в тон ей дверь скрипнула и открылась. Рита провалилась в помещение, и, пятась задом, поползла внутрь, пряча торчащие на улице ноги. Боковым зрением она заметила деревянные светлые кадки, ушаты и березовые венники.

Моля всех святых, чтоб хозяин не задумал растопить баню и устроить парилку в этот жаркий вечер, она притихла, прислушалась. Она чувствовала его присутствие, как будто он был огромным энергетическим магнитом. Точно – Громозека.

Рита поднялась с пятой точки и медленно прикрыла дверь, очутившись в полутьме. Она осмотрелась. Так и есть, она в бане. Дверь в парилку открыта, и в нее видны светлые полочки и печь с обгорелым стеклом дверцы. В противоположной стороне еще одна комната. Ругая себя за необдуманную беготню от хозяина дома, она подошла, открыла дверь в соседнюю комнату. Комната отдыха с мебелью из ротанга, мягким диваном, картиной на стене и огромным окном, выходящим в сад. Спасение – решила она, нехитрыми вычислениями, сообразив, что окно с противоположной стороны

от двери со двора.

Даже не поблагодарив проектировщика данного строения, она открыла окно и вылезла на улицу.

Мысленно обругав себя всеми непристойными выражениями, она пробиралась в зарослях можжевельника в сторону ворот, ориентируясь по верхушкам деревьев. Сомнительные ориентиры, но других не было. А выдавать свое присутствие было уже неприлично. Раньше надо было думать о последствиях. Но когда она его увидела, то потеряла дар речи и задатки здравого ума. Хотя всю жизнь считала, что и то и другое у нее есть. Но она действительно не ожидала его увидеть, а встречаться боялась. Вот вам и необоснованный страх. Не, ну а кому она врет? Себе? Страх не было. Скорее неожиданность. Встреча влекла за собой общение. А разговаривать с ним она повременила бы. Не факт, что он готов с ней встречаться и общаться. Не сказать, что они расстались врагами, но события прошлого общения не предвещали дружбу.

Выбравшись на свободу, то есть, улицу, она столкнулась с Ромкой, он как раз выбрался из противоположных зарослей.

– Чуть не попались. Ты почему не свистнула?

– Я не умею – она продемонстрировала. Это было похоже на писк.

Он похвастался своим трофеем.

– Хрустальная.

– Где ты вазу взял? – раздраженно поинтересовалась Рита, не испытывая никакого интереса. Желание убраться посکو-

рее переполняло. Она схватила цветы. Несколько выпали из букета. Она не стала их поднимать, быстро зашагала подальше от дома с позорными воспоминаниями. Теперь она всегда, проходя мимо, будет вспоминать как убегала от встречи с Сергеем Гордеевым, пряталась в его бане и лазила в окно, как преступник, скрывающийся с места преступления.

– Там у него в беседке стояла. Та, которая на крыльце, вообще неподъемная. У него там такая красота. Но его все боятся.

– Пошли быстрее, не хватало, чтоб нас увидели вместе.

– Стесняешься меня? – обиделся парень.

– Вместе с вазой – выкрутилась Рита и добавила – не обижайся.

– Хоть бы никто не узнал, что мы сегодня здесь были.

Она быстро, но внимательно взглянула на него сбоку, неосознанно включился профессиональный журналист-расследователь. Неосознанно, а как-то интуитивно. Что-то не понравилось в его словах, а точнее – в интонации.

Ромка напряженно смотрел себе под ноги, заметил ее интерес к себе, и с запозданием опомнился, улыбнулся.

– Я шучу – стараясь держать веселый тон, попытался вернуться Ромка из своих мыслей.

– Ром, – требовательно протянула Рита – ты чего такой?

– Какой?

– Загадочный.

– Я всегда такой.

– Я серьезно. Ты чего такой задумчивый?

– Не, ничего – отмахнулся он.

Но от Риты трудно отмахнуться. В ней уже включился профессиональный журналист, и проснулась сопереживающая подруга детства.

– Рома! – интонацией потребовала Рита.

Ромка остановился, дернул Риту за руку, повернулся к ней и зашептал:

– Я там такое увидел... – он взглянул за спину подруги и увидел хозяина дома.

Мужчина прислонился к столбу ворот, сложил руки на груди и пристальным взглядом провожал их. Этот тяжелый взгляд питона, гипнотизирующий свою жертву подойти ближе (Рома почувствовал себя именно жертвой Каа, защищающего своего Маугли). Моргнул, возвращаясь из гипноза хозяина двора.

– Какое? – нетерпеливо поторопила Рита.

Ромка опомнился. Переключил свое внимание на девушку. Она вдохновляла. А так как подвиги на сегодня были исчерпаны, он решил переключиться на романтику. Приобнял за талию. Повел. Уткнулся носом в волосы и прошептал:

– Да пошутил я. Ты бы себя видела, как охотничья собака, взявшая след. Не обижайся.

– Я давно не обижаюсь на твои выходки.

– Просто хотел посмотреть реакцию журналистки.

– От журналистки осталась только реакция.

– Пошли. А то он смотрит.

Рита на ходу обернулась. Хозяин двора оттолкнулся от столба ворот, к которым прислонился, подошел к скамейке, на которой остались потерянные цветы, собрал их в охапку и направился к мусорным бакам.

– Какой красивый – вслух подумала Рита. Что-то было непривычное в нем. Рита не сразу догадалась. Но потом вспомнила, что он сбрил бороду и не отпустил. С заметным чувством облегчения он избавился от букета, как от бабушкиного свадебного платья, найденного в сундуке на чердаке. Вещь ненужная – никогда не пригодится. Он принципиально показал свое отношение к беспорядку, оставленному хулиганами.

– Кто? – опешил Ромка и брезгливо изумился – Тот чувак?

– Букет – опять выкрутилась Рита, – который он выкидывает в мусорный бак.

Видимо экстремальные приключения действовали на друга слишком животрепещуще, что он тут же продемонстрировал.

– Ритуль, ни о чем, кроме тебя думать не могу.

Он притянул ее к себе, прижал так, что она почувствовала каждую мышцу его тела. Любая девушка от откровенных реакций на себя уже б сгорела от стыда. Но не Рита. Она шлепнула Ромку по лбу и протянула:

– Сейчас трахну букетом по башке, сразу мысли в голову вернутся.

Высвободилась из его объятий и пошла дальше.

Теплый ветерок принес аромат шашлыка. Рита почувствовала голод и поймала идею. Замариновать мясо, распалить костер и пожарить шашлык. Ничего сложного в исполнении ее желания, если не считать, что желания – это не конкретные цели и имеют свойство улетучиваться.

– Ритка, я же серьезно, выходи за меня замуж.

Ромка настойчиво отвлекал от завтрашних планов.

– Наконец-то я тебя увидела, маразм, – воскликнула Рита, впрочем, без особого надрыва, зато артистично приложила руки к груди. Посмотрела на удивленного друга и пояснила – я с этим нехитрым вопросом не тороплюсь.

Рита не удивилась поступившему предложению. Оно не было неожиданным. Такой разговор возникал при каждой их встрече. Ни к чему не обязывающий, дурашливый, но обязательный. Ромка был бы не Ромкой, если бы не запел эту песню.

– Так и я подожду.

– Сходи в ЗАГС с кем-нибудь другим.

– В смысле с другим? – возмутился Ромка.

– Я имела в виду с другой – пояснила Рита, усмехаясь.

Подвыпивший одноклассник смотрелся комично, но легко.

– Я же тебя так люблю.

– И не только меня.

– Так выйдешь?

– Нет.

– Принца ждешь?

– Все принцы погибли в крымской войне – парировала Рита.

Каким бы ни был Ромка ловеласом, балагуром и просто веселым парнем, этот разговор мягко намекнул Рите, что на самом деле он несчастный одинокий парень, которому хочется серьезных отношений. Только не понятно, насколько долго могут продлиться его серьезные отношения, женившись.

Сколько она помнила, он никогда не мог определить кто из девочек класса ему нравится больше, на ком остановить свой выбор, кому предложить встречаться. Поэтому скакал, как тот кузнечик с цветочка на цветочек. И везде получал щелчок по носу. Все девчонки относились к нему, как шу-ту класса, и было не престижно встречаться с ним. Да и девочки выросли быстрее, искали себе крутых романтиков, и желательно не с параллельных классов, а года на два старше.

Душа компании могла только веселить. Ромка не отчаивался, продолжал ощупывать девчачье настроение, при этом пользуясь руками.

Рита знала, что человек, который никогда не мог усидеть на месте, не сможет долго носить кольцо на пальце.

– Хочешь, зайдем ко мне – предложил Ромка.

Рита не боялась его вольностей, даже наедине, даже если приглашение прозвучало после намеков на интим, но отказалась. Знала на что он способен, и каким образом его мож-

но остановить.

– Устала. Домой пойду.

Не оставляя попытки, улыбаясь во все тридцать два зуба, Ромка кивнул на окна квартиры.

– Ну, ты знаешь, где я живу, если передумаешь, приходи – улыбка застыла на его лице. – Странно. Я же свет не включал.

Рита машинально взглянула туда же.

– Забыл, наверное. Ладно, Ромка, пока.

– Здравствуйте – протянул друг. – Я же тебя провожу.

Он, не дожидаясь возражений, побрел дальше по улице. Что-то, а благородности ему не нужно было занимать.

От внимательной Риты не ускользнули его поглядывания на окна. Его беспокоило, но он не хотел себе признаться.

– Может и правда забыл выключить. Хотя не помню, чтоб я его включал.

Рита резко остановилась.

– Ром, не надо меня провожать.

– Ритуль, давай я быстро сбегая, проверю и провожу тебя.

– Беги уже – разрешила Рита, надеясь, что вторая часть плана не понадобится. – Я пойду потихоньку.

Ромка уже ее не слушал, помчался в подъезд, забыв отдать ей цветы с позаимствованной вазой.

Ему бы галантности у кого-то занять.

Незванные гости хуже предводителя того самого ига. Как

можно влезть на частную территорию, на воротах которой висит табличка, предупреждающая о видеонаблюдении?

Сергей как раз закрыл ворота, поправил табличку и прошел во двор через калитку. С тех пор как он переехал сюда, многое изменилось. Но местные аборигены отлично знали, что он первым делом провел наблюдение, развесив камеры по всему периметру.

Поэтому сразу же сел проверять запись. Хотел убедиться и еще раз полюбоваться. Не то чтобы зрение его обманывало. Не было еще предпосылок старческой близорукости. Ее он узнал сразу. Он заметил Риту раньше, чем она его, и прекрасно видел, как смешно она улепетывала вдоль забора. Он сначала не понял, потом догадался, что она бежала кого-то предупредить. Камеры видеонаблюдения зафиксировали факт посредничества мелкому хулигану. А она всего лишь пряталась в бане. А потом прыгала с подоконника в сад, кралась и убегала. Расскажи Кузнецову и Волкову, они недоверчиво покрутят пальцем у виска, посоветуют обратиться к офтальмологу. Не поверят, что законопослушная девушка превратилась в хулиганку. Вот уж неожиданный поворот взглядов на жизнь.

А вот мелкий хулиган, стащивший у него из беседки вазу, заинтересовал. Где-то Сергей его видел. Но это как раз не удивительно. Село небольшое, три дома в две улицы и четыре магазина. Тут все друг друга знают по имени-отчеству. А если не знают, то хотя бы виделись. Место встречи, есте-

ственно, магазины.

Сергей присмотрелся. Все-таки старческая дальнорочность дает о себе знать. Не вовремя. Рановато.

Точно. Это же Роман. Сосед Марины Григорьевны.

Либо старость еще не разыгралась во всю мощь, либо только на зрение осложнения давала, но память и внимательность еще оставались четкими. Это радовало.

Сергей усмехнулся. Сорока лет еще нет, а он все чаще задумывается о старости. Неужели на него так свежий воздух действует. Открылись юмористический чакры. Сегодня на конюшне подвернул ногу, задумался о физической неподготовленности к сельским испытаниям. Там же впервые напомнил себе о приближающейся старости. Будучи человеком серьезным больше, чем юморным, собственные шутки по заслугам не оценил. А вот идея купить тренажер и позаниматься была оценена и крепко засела в голове.

Когда он переехал в этот дом и занялся пристройками гаража, бани и бассейна (причем всем сразу), то заметил, что не успевает убирать в доме. А любая стройка, перестройка и ремонт имеют неприятные последствия: мусор, следы и пыль. Да и не только грязь. Сергея больше беспокоило и раздражало, что он не успевает приготовить себе обед и ужин. А голод очень сильно сказывался на настроении. Что и заставило его поискать себе помощницу по домашнему хозяйству.

Посоветовали Марину Григорьевну, бывшую школьную

техничку, пенсионерку и просто умницу и красавицу. Она приходила четыре раза в неделю, готовила, как для роты солдат, прибирала и следила за чистотой в доме, как будто ждала проверяющих в белых перчатках. Когда все строительство было завершено, автомобиль стоял в гараже, а Сергей нырял в бассейн после бани, он не смог распрощаться с Мариной Григорьевной, уж очень вкусно она готовила.

Так вот, когда Сергей пришел к ней домой с предложением, перепутал квартиры и позвонил в чужую, хозяином которой оказался Роман. Быстрое знакомство, мимолетное общение. Поэтому он не сразу его признал. Но первое впечатление, которое сложилось, оказалось не оптимистичным по отношению к Роману. Парень показался ему несерьезным, чуть встревоженным и грубым. Повел себя хамовато, тыкнул пальцем в сторону соседской квартиры, быстро захлопнул дверь.

Вот уж неожиданный сюрприз ожидал сегодня Сергея. Он и не знал, что Рита приехала к бабушке. Сергей бы с удовольствием с ней пообщался, если бы не компания Романа. Кто бы мог подумать, что Рита Белозерова станет обниматься с ним. Она заслуживает большего. А хамоватый, нервный мужчина достойная партия для местной доярки. Ну а если уж он любитель лазить по чужим дворам, то сидеть ему без жены и за решеткой. Конечно же Сергей не собирался заявлять на мелкого хулигана в полицию, а вазу можно и самому вернуть. Сходить к нему в гости что ли? А заодно и присты-

дить. Хотя кто его знает, пойдет бузить, и придется мозги на место вставить.

Сегодня видимо, Марина Григорьевна уходила, не закрыв за собой ворота. Вот уж беспечность сельских жителей. Постоянный коммунизм и ключик от дома под ковриком, если уж додумались запереть дверь. Когда-то его дед клал ключ от дома под коврик на крыльце. Может это его сгубило.

Сергей отбросил грустные мысли и переключил изображение камеры, смотрящей на баню. Как Рита «вошла» в нее можно было смотреть бесконечно. Он развеселился. Обязательно покажет ей это видео. Пусть посмеется.

Рита скучала. Она уныло наблюдала за Муркой. Дворовая красавица облизывала лапку и вымывала мордочку. Любить себя, нежиться на солнышке возможно после того, как тебя покормили. Риту тоже покормили. Но нежиться на солнышке она не хотела. Душа не находила спокойствия, когда безделье овладело ситуацией. А ситуация – предательница – вышла из-под контроля.

– Куда пойти, куда податься? – спросила Рита у Мурки.

Мурка даже ухом не повела. Занятие у нее важное – вылизываться.

– Пойду в блогеры. Не хотят меня брать на работу престижные издательства, буду фри лансером. Знаешь, что это такое?

Мурке было все равно. Она не проявляла любопытства к новомодным словам иностранного происхождения. На ее языке любое слово звучало «Мяу».

– И новости тебя не интересуют – подытожила Рита. Кошка подтвердила предположения своим гордым молчанием. – С курицами интересней разговаривать.

С самого утра она просмотрела все вакансии на портале, просмотрела новые отказы на вчерашние предложения, переклЮчилась на новости и расстроилась еще больше. Все мировые новости оповещались без ее непосредственного участия. Вот уж обидно.

Подозревая, что скука медленно, но уверенно захватывает её, Рита побоялась стать пленницей. И решила искусственно поднять себе настроение, кинув все силы на это трудное дело.

– Бабуль, что в магазине надо? – крикнула она в приоткрытую дверь. – Бабуль, я в магазин схожу. Что купить?

Надежда Семеновна вышла на крыльцо. От внимания бабушки не ускользнуло подавленное настроение внучки. Она незаметно прерывисто вздохнула и перечислила:

— Хлеб, колбаса и сахар. Может варенье сварим. Малиновое.

Рита, как старая бабка, поднялась с лавочки, прокряхтела мимо бабушки.

– А чего ты не рассказываешь, как вчера на встречу сходил? – интересовалась Надежда Семеновна, проходя следом

за внучкой в дом.

– Потом расскажу – пообещала Рита.

Ей нужно было «проветриться», как обычно такие состояния называла бабушка. Отвлечься от телефона, компьютера и неприятных новостей – цель сегодняшнего дня.

– Бабуль, а ты знаешь кто живет в доме Ванюшиных.

– Внук Гордеевых купил у них дом. Но я не знакома.

Рите хотелось остаться и поговорить о Сергее, рассказать кто он такой, напомнить бабушке, но она поддалась скверному настроению и пошла у него на поводу. Решила, что этот разговор от нее не убежит, хотя подозревала, что сама готова бегать от разговоров. Несколько месяцев назад она была уверена, что у них есть совместное будущее, но, расставшись, он ни разу не позвонил ей, хотя давал надежду. Или ей показалось? Именно поэтому она не хотела вчера с ним встречаться и общаться, именно поэтому пряталась в его бане, именно поэтому бежала со двора. Не хотелось с разбегу требовать от него объяснений. Настоящую причину его холодного отступления она визуализировала. Способности воображения тут же воспроизвели жену Сергея – Валерию. Рита расстроилась окончательно.

Она надела рубашку, застёгивать не стала, перекинула ремешок сумки через голову, проверила наличие кошелька и прогнала грусть, возникающую при мысли о деньгах и работе.

– Ладно, я ненадолго – поторопилась пообещать она, не

зная, что судьба приготовила другой расклад событий.

Часа через два Надежда Семеновна стала переживать. А еще через два забеспокоилась и пошла на поиски внучки. Выходя со двора, она встретила соседку Клавдию Никитичну. Та, естественно, торопилась с последними новостями, как будто у Надежды не было телевизора. Обычно обсуждения начинались с новостей мировых, плавно переходили на ближнее зарубежье, ну а потом уж к соседям по улице. Хотя Надежда Семеновна подозревала, что ради них родимых – соседей – Клавдия выходит на улицу. Чтоб найти информацию об одном и рассказать ее другому.

– Трагедия у нас – объявила Клавдия.

– У кого у нас? – уточнила Надежда.

– В селе. Убийство.

– Что? – Надежда невольно схватила за сердце.

– В многоэтажке девушку убили.

Если бы Клавдия Никитична не была увлечена обсасыванием новости, то заметила, как побледнела Надежда.

– Так ты что не слышала? – накаляла воздух соседка.

– Да что случилось? – нетерпеливо потребовала Надежда Семеновна.

– Я же тебе говорю, убили. У Беликова в квартире. Ромка Беликов, помнишь? Вот что за молодежь пошла. Друг друга убивают. В наше время такого не было. Мы дружили. Вот вспомни. Умели дружить. Матом не разговаривали, а они им даже думают. Мы уважали старших. А сейчас что? Проходят

мимо, даже не здороваются. Что это? Воспитание? Родителям некогда детям объяснить, что такое хорошо, что такое плохо. Вот я своим внукам это вложила. Уверена в них.

– Клавдия, кого убили?

– Девушку, молодую. Говорят, только приехала вчера. Ты чего? – засуетилась Клава, когда Надежда Семеновна попятилась назад. Она прислонилась к стене, медленно потянула ворот блузки. Задышала ртом. Прозорливая Клавдия забеспокоилась – тебе плохо?

– Рита где? – слабым голосом попыталась выкрикнуть Надежда.

– А я откуда знаю? – опешила Клавдия.

– Рита – одними губами прошептала Надежда.

– А она разве приехала?

– Да, вчера – еле прошептала Надежда Семеновна.

Проходя мимо Ромкиного дома, Рита не удержалась и решила заглянуть в гости. Зря он что ли приглашал? Хотя он приглашал не просто в гости, а для романтического свидания быстро переходящего в постель. Это не стоило забывать, даже больше, это всегда нужно держать в голове. Но Рита была уверена в своей силе против напора друга и могла удержать его за кружкой кофе только одним взглядом и при помощи пару слов. Да и как-то настроение подталкивало к общению с друзьями. Хотелось вспоминать о прошлом, отгородившись

от настоящего. В прошлом не было проблем, а если и были, они остались в прошлом. В настоящем были проблемы, и она никак не могла от них избавиться. Погрязла. Именно поэтому Рита не пошла сразу в магазин, а завернула в подъезд многоквартирного дома.

Она нажала на звонок. За дверью приглушенно трезвонило. Единственные звуки тихого дома. Ее с детства удивлял этот дом. Пятиэтажка в центре села. Кто додумался выстроить ее, выдать квартиры социальным работникам, и лишить возможности иметь свой огород и хозяйство, как будто они не имели право заводить курей и выращивать помидоры. Наверное, тогда это было нормой. Социальные работники были застрахованы государственными зарплатами и поддержкой. Сейчас это стало катастрофически неактуально – все выплаты превратились в единственную пенсию, а цены на продукты скачут, как будто полностью зависят от криптовалюты. Те учителя и врачи, которые ушли на пенсию, хотели копошиться в огороде, но имели для этого только ящик с землей на балконе. Ценность земельного участка несравнима с балконом.

Может поэтому дом быстро пустел. Молодежь уезжала в город, захватив с собой стариков. Бывшие учителя становились репетиторами. Ромкина соседка – англичанка Инна Ивановна – сбежала из школы, оставив своих недоученных подопечных. Благодаря ее поиску «где лучше» в школе целый год не преподавали иностранный язык, оценки выстав-

ляли за красивые глазки (они, кстати, у всех были на «четверку»). Аттестат никто портить не собирался, зато знания от этого не улучшились. Английский Рита изучала самостоятельно. Самостоятельно обратилась к услугам репетитора. Не то чтобы у нее был плохой опыт от общения с частными преподавателями, нет, наоборот, получила, за что заплатила, но хотелось бы, чтоб эти же знания давали бесплатно. А врачи лечили бесплатно. С платной медициной она еще не сталкивалась – по возрасту рановато. Но бабушка как раз в том возрасте, когда может понадобиться лечение. Рита подзревала, что может не потянуть даже медицинское обследование. Тем более, сейчас, когда потеряла работу. Мысли о частных школах и клиниках не радовали.

– Рома, Рома, выходи из дома – пропела она, стараясь сделать видимость хорошего настроения, и дернула ручку двери.

Дверь поддалась. Тут бы заподозрить неладное, но Рита была погружена в свои мрачные мысли и желания избавиться от них с помощью друга, поэтому, не раздумывая, отрыла дверь и переступила порог.

Через секунду она поняла, что точно так же нашла мертвое тело профессора Курилова. Оно точно так же лежало в коридоре на полу. С одной лишь разницей: сегодня это была ее подруга. Аня Симонова неестественно таранилась на плинтус. К сожалению, одноклассница ничего не потеряла на полу и не пытается это найти. Рита ни секунды не сомне-

валась, что взгляд её безжизненный.

На её волосах засохла кровь.

Рита медленно подошла и неуверенно дотронулась до шеи. Действия были машинальными, скорее для успокоения. Кожа оказалась неестественной, как будто на девушку натянули резину, такую же плотную и холодную.

Пульса не чувствовалось. Это неудивительно, у мертвых сердце не стучит.

Рита заметила, что руки ее трясутся мелкой дрожью. Она медленно поднялась, стараясь собрать всю силу и перенаправить ее в движение. Она понимала, что нужно делать, но боялась рухнуть в обморок рядом с Аней в лужу крови. Рита устояла на бордовом пятно на светло-коричневом ламинате. Контраст оказался настолько явным, что она не могла оторвать взгляд. Кровь медленно засыхала и безжалостно просачивалась внутрь покрытия. Она покрылась пленкой. Рита не могла оторвать взгляд. И сдвинулась с места, только когда почувствовала приступ тошноты. Она быстро заскочила в ванную и открыла холодную воду. Умылась. Глубоко дышала. Тошнота медленно отступала. Но перед глазами стояло кровавое пятно и безжизненные глаза. Подруга потеряла свою целостность, как человек.

Рита знала, что нужно срочно избавиться от этого образа. Это грозило при каждом воспоминании об Ане Симоновой представлять красное пятно. Чуть придя в себя, она вышла из ванной комнаты.

– Рома! – еле слышно позвала она. – Рома, ты дома?

Ответа не последовало. Боясь найти Ромку в похожем состоянии, она обследовала комнаты и кухню. Холостяцкая квартира не отличалась ухоженностью и порядком. Вещи были разбросаны, полная раковина грязной посуды. Отсутствие женского присутствия.

Не найдя хозяина квартиры, Рита вздохнула с облегчением и забеспокоилась одновременно. Отсутствие друга, как труп – радовало. Исчезновение Романа – как убийцы – тревожило. Рита набрала номер телефона экстренной службы и вызвала полицию на место преступления. За это время она окончательно пришла в себя. Но все-таки стараясь не смотреть на кровавое пятно, прошла к Анне. Она сразу все заметила, но сейчас нужно было зафиксировать в памяти все мелочи, которые могли быть спасительной соломинкой для Ромкиного невинности, либо важным грузом, который мог утопить парня.

Вчерашний букет цветов, который он забыл отдать ей вечером. Он помчался проверять свет.

– Свет – прошептала Рита и машинально взглянула на люстру.

Потолочный плафон грустил мраком. Рита прошлась по квартире, пытаясь вычислить какие окна вчера светились светом. Это оказалась спальня. Рита мизинцем отодвинула штору и выглянула в окно. Подтвердила свои вычисления – вон то место, где они вчера проходили, и Ромка приглашал ее

в гости. В спальне люстра тоже была выключена. Рита осмотрелась. Беспорядок отвлекал. Она не могла понять, Ромка безответственный разгильдяй, разбрасывающий носки, штаны и футболки, или он что-то искал в шкафах, оставляя за собой последствия комнатного тайфуна.

Или это не он искал. А кто?

Он убил Аню, в панике собирался сбежать, хватал нужные вещи, запихивая их в спортивную сумку. Искал паспорт. У этого документа, как и у остальных вещей в этом доме, не было своего места, и он мог валяться в любом углу. Рита мизинцем приоткрыла дверцу шкафа – королевство бедлама – на нижней полке дорожная сумка. Она выделялась модными принтами, но Рита поостереглась её открывать. Удовлетворить любознательность, убедиться в своих догадках и оставить отпечатки пальцев не самое верное решение.

Размышляя, Рита прошла в коридор. Хрустальная ваза с явными признаками орудия убийства валялась возле вешалки. Рита присела. Красные капли присохли к резным ребрам благородного стекла. Желание перевернуть вазу и рассмотреть ее ближе, оказалось слишком сильным.

Дверь открылась неожиданно. Рита вздрогнула и отдернула руку.

– Что вы здесь делаете? – грозно спросил мужчина в полицейской форме. – Улики прячете?

– Не прячу, а ищу – опрометчиво ответила Рита.

Возможно, именно этим она его и разозлила. В результа-

те она оказалась первой подозреваемой. И мужчина не раздумывая, быстро распорядился увезти девушку в отделение полиции.

Судьба подкинула неприятное общение с полицейским. Второй раз в жизни Риту постигла та же участь. Ей бы задуматься о причине, но Рита была занята своими предположениями, что даже не обратила внимание. Хотя слегка заметила, что все полицейские похожи друг на друга. Не внешне, естественно. Майор полиции Фёдоров не проявлял к ней никакого сочувствия и нежности. На это никто и не рассчитывал. Зато откровенно дал понять, что Маргарита Белозерова для него первая подозреваемая на деревне, которой он не верит. Тут Рита, конечно, приложила все усилия, чтоб не попасть в расставленные ловушки опытного майора. Ночевать в следственном изоляторе совсем не хотелось. Поэтому она игнорировала каверзные вопросы и подбирала каждое слово, чтоб не спровоцировать и не поменять место жительства. И подумывала о спасительном звонке Кузнецову, тому самому полицейскому, который спустя несколько дней после вынужденного знакомства изменил к ней отношение.

Рита недовольно вытирала руки влажными салфетками. Краска никак не стиралась. Вот уж красящее вещество.

– Вам все понятно. Вы меня слышали? – недовольно уточнил майор.

Рита не стала признаваться, что вообще его не слушала. В голове мысли летали. Как потревоженный рой ос.

– Вот возьмите, еще – предложил майор Фёдоров, передавая ей ещё одну упаковку с салфетками. – Не стирается?

– Лучше бы такой краской фасады домов красили. А то там быстрее стирается.

– Цвет мрачный – парировал майор.

– Добавьте яркого. – Ладонь горела, но Рита не оставляла надежду стереть вернуть рукам естественный цвет. – Скажите, за что меня задержали?

– До выяснения обстоятельств.

Рита отложила салфетки и уточнила:

– Я так понимаю, вы уже все выяснили, и я могу уйти?

– Давайтеждемся результатов дактилоскопии, чтоб я вас во второй раз не задерживал.

– Меня не за что задерживать – напомнила Рита. – Я всего лишь нашла Анну.

– Да, но мы уже выяснили, что вы с Романом ушли со школы вместе.

– Я же вам уже говорила, мы расстались возле его дома – устало повторила Рита. – Я ушла домой одна.

– Ну, и вы меня поймите, вас застали возле трупа. Увидев вас на месте преступления, я сделал вывод, что вы пытаетесь скрыть улики, стереть отпечатки пальцев с орудия убийства.

– Я вызвала полицию – напомнила Рита. Ей казалось, что такая глупая ситуация может произойти только в бразиль-

ском сериале. – Слушайте, сижу у вас уже два часа, это уже не смешно.

– Если бы я хотел поржать, то пересмотрел бы «Эйс Винтуру».

Рита открыла рот, собираясь посоветовать пересмотреть «Тупой, еще тупее», но вовремя передумала. Унижение полицейского не входило в ее планы – он и без того слишком предвзято к ней относился. А ей еще хотелось попасть в магазин, а не в камеру. Хотя после убийства Симоновой, наличие малинового варенья встало под вопросом. А бабушка, наверное, заждалась. Но отказаться от колкости – это превыше ее способностей. Она хмыкнула и поинтересовалась, вложив в голос как можно больше язвительной нежности:

– Любимый фильм про детектива?

Майор отвечать не собирался, он невозмутимо пояснил:

– Когда ваш сельский участковый проведет опрос и подтвердит ваше алиби, я вас отпущу.

Долго ждать не пришлось. Участковый действительно вскоре позвонил, и майор поделился полученной информацией:

– Надежда Семеновна подтвердила, что внучка вернулась домой в десять вечера.

– Это вас расстроило? – поинтересовалась Рита, вставая со скрипучего стула.

– Нет – честно признался Фёдоров. – На вазе столько отпечатков пальцев, что мы скоро найдем убийцу. Что? Что-

то не так?

Майор даже привстал, заметив ее реакцию. Девушка явно занервничала. Она мысленно искала решение проблемы, но делиться предположениями не торопилась. Попыталась взять себя в руки. Но Фёдоров имел не только глаза, но и интуицию. Она, кстати, требовала присмотреться к бывшей подозреваемой.

– Что вы хотели мне сообщить? – мягко потребовал он.

– Ничего.

Слишком быстро ответила она и поторопилась покинуть кабинет.

– Риточка, миленькая, – кинулась бабушка на внучку, как будто она отсидела три года, причем по ошибке, ни за что. Но быстро взяла себя в руки. Расчетливый ум бывшего бухгалтера никогда не подводил. – Им нечего тебе предъявить. Они не имели право тебя задерживать. Боря сказал, что Аню убили в двенадцать часов, а ты пришла в десять. Ты мне только скажи, если они пытались на тебя давить, мы пойдем жаловаться в прокуратуру.

– Кто такой Боря?

– Участковый наш. Борис Кронов.

– А, понятно. Борис Кронов стал участковым. Неожиданно.

– Почему? Хороший мальчик.

Рита не стала переубеждать бабушку и рассказывать, что хороший мальчик, когда был мальчиком лет двенадцати, ты-

рил шоколадки и сигареты из местного ларька. Время, как оказалось, не только лечит, но и учит – перевоспитало парня.

– А что он тебе еще сказал? – поинтересовалась Рита, устраиваясь за столом.

Бабушка тут же накрыла на стол, как будто внучка отсутствовала дома не полдня, а целую вечность, при этом ее ни разу не покормили. Несмотря на саркастичные мысли, Рита почувствовала голод. Моментально сделала бутерброд с колбасой и, откусывая, спросила:

– Ромка куда делся?

– А Боря мне не говорил.

– Так, а что говорил-то? Бабуль, ты не могла его порасспрашивать?

– Я? – удивилась Надежда Семеновна, чуть обидевшись. – Естественно, я обо всем расспросила. – Она села рядом и выложила полученные у «хорошего мальчика» факты и предположения – Аню убили вазой в районе двенадцати, часа ночи. Романа ищут. Скорей всего он убийца.

– Смеешься?

– Это мне Боря сказал. А ты не веришь?

– Нет.

– Понимаешь, Рита. То, что вы дружили в школе, не повод верить каждому его слову.

– Зачем ему убивать Аню?

– На этот вопрос ответит полиция.

– Или Ромка. Где он может быть?

– Сбежал. У него было время.

– А мотив убивать в своей квартире подругу – был? Вазой, на которой полно его отпечатков. Глупо так себя подставлять. И вообще, мне кажется, у него было время спрятать вазу, если он собирался убегать. Брал вещи, собирал дорожную сумку. Искал паспорт. Почему не выкинул вазу? Где Ромка?

– Ты не веришь, что он мог сбежать – уточнила свои предположения бабушка.

– Не сбежать, не убить. Но кто-то разбросал в его квартире вещи. Что-то искали? Бабуль, а чем он занимался в последнее время?

– А я откуда знаю? Ты так спрашиваешь, как будто я слежу за деятельностью твоих одноклассников.

– Правильно. За деятельностью одноклассников следит Оксана.

– Вот и позвони ей – посоветовала бабушка и тут же спохватилась – а вообще не лезь в это дело. Пусть полиция разбирается.

– Полиции я мешать не буду – пообещала Рита.

– Рита! – попыталась вразумить Надежда Семеновна внучку, вложив в голос требование.

– Ну, бабушка, ты хочешь, чтоб я сидела на месте и ничего не предпринимала?! Зная, что моего одноклассника обвиняют в убийстве моей одноклассницы.

– Еще не обвиняют – зацепилась бабушка за спасительное

слово – подозревают.

– Я уверена, что это дело времени. Не обвинят Ромку, обвинят Сергея.

– Какого Сергея? – удивилась Надежда Семеновна.

– Хозяина вазы.

Рита знала, что ее пояснения не объяснили бабушке ровным счетом ничего. Она безрезультатно пыталась найти в памяти подходящего Сергея. Но безжалостная внучка не помогала, а только сильнее запутывала и шокировала:

– Мы вазу у него украли.

– Что значит украли?

– Позаимствовали – быстро поправила Рита, пока бабушку удар не хватил. – Это его ваза, поэтому на ней будут его отпечатки. А майор Фёдоров посадит всех, чьи отпечатки на вазе. А там их минимум три, максимум четыре.

– Полсела – обреченно подытожила Надежда Семеновна.

– Мои. Ромкины. Сергея. И убийцы. Если он не среди нас троих.

– Ужасная математика – констатировала бабушка, поставив перед внучкой тарелку с борщом.

– Мне тоже не нравится – согласилась Рита.

Она некоторое время молчала. Надежда Семеновна дала возможность обдумать некоторые нюансы, хотя бабушка думала, что внучка взяла молчаливую паузу для обеда. Но Рита совсем не чувствовала вкус, машинально утоляла голод. Она строила планы по сбору информации. Что-что, а оставлять

расследование убийства одноклассницы на майора Фёдорова (при всем уважении к его звездочкам на погонах), она не собиралась. Исчезновение Ромки уходило на второй план, но подозрение, что друга тоже нет в живых, она не отсеивала, хотя это было страшно представить.

Она доела борщ и отставила тарелку. По привычки поблагодарила и похвалила бабушку:

– Спасибо, было очень вкусно.

– Пожалуйста. – Надежда Семеновна тут же схватила тарелку и направилась к раковине. Вот уж морской закон, как волной смыкает. – Что собираешься делать?

– Пойду пораспрашиваю соседей.

– Каких соседей – на полпути остановилась Надежда.

– Ромкиных, Анькиных. Кто-то же их видел. Хотя ночь была.

– Рита, оставь эти мысли. Пусть полиция разбирается.

Попытки бабушки не увенчались успехом, но возможно даже Надежда Семеновна не надеялась на них.

– Одно не могу понять – бубнила себе под нос Рита. – Как здесь оказался Сергей?

– Какой Сергей?

– Гордеев.

– Подожди, так это внук Гордеевых? – Бабушка медленно опустилась на стул. Задумалась. Грустные мысли нельзя было спрятать, они отразились морщинами. Страшную историю, которая произошла двадцать лет назад, никто не забыл,

несмотря на то, что все воспоминания были стерты с лица земли. В прямом смысле этого слова. – Значит, это Сергей выкупил дом. Вернулся на родину. Не побоялся.

Долгое время переговоры никуда не приводили. Точнее они вели его по направлению совершенно ненужному, противоположному цели.

Валентин – хозяин дома, который собирался купить Сергей Гордеев – сопротивлялся, выискивая все веские и веские основания не продавать дом. Аргументировал свое решение мотивами, считая их релевантными.

– Я вложил в него душу. Мы привыкли здесь жить. У меня дочь выросла в этих стенах. Я собираюсь внуков здесь растить. Я перестроил его. Здесь был маленький переселенческий домик. Мы не хотим переезжать.

Но Сергей не сдавался. На каждый отрицательный ответ он находил положительное утверждение.

Но, как известно, из математических правил шестого класса образовательной школы вдолбленных Марией Ивановной (за спиной – Фибоначчи), что плюс на минус в итоге дает минус. Этот результат не устраивал Сергея, и он использовал метод умножения стоимости. Метод грубого давления на хозяина, при котором сам Сергей беднел на глазах.

Сергей свои положительные аргументы шлифовал кругленькой суммой денег, с каждым словом повышая стоимость

дома и участка. Золотые слова! В смысле – слова дорого обходятся.

Но, в конце концов, хозяин сдался, рассчитав правильно, а главное прибыльно. В итоге Сергей остался без денег, которые накопил. Точнее он их никогда не копил. Все время вкладывал в бизнес и никогда не задумывался, что придет тот черный день, когда он останется без друга и жены. Тут никого винить нельзя, он сам выбрал этот путь, оставил все то, что с любовью и трудом зарабатывал. К большому сожалению, не смог (да и не хотел) бороться за свою долю в бизнесе. Бегать по судам и доказывать, что бизнес, записанный на жену, в действительности его создание, он не хотел. Подозревал, что Лера, зная цену его труда, не оставит живого места на плоти и крови, высосет всю душу, используя кровопийцев-адвокатов. У нее на них денег осталось много.

Близкий друг оказался замысловатым предателем, задумал и реализовал не менее замысловатое предательство. В итоге оказался в тюрьме. Пытаясь скрыть махинации, он убил человека. А жена оказалась обыкновенной предательницей – закрутила роман с лучшим другом.

Сергей испытал душевную боль. Оказывается, боль начинается с предательства.

Сергей никогда не думал, что останется гол, как сокол, и свободен, как орел. Не человек, а птица. С человечеством его связывала только банковская карта, которая опустела, когда хозяин дома сказал: «Да».

Сказал угрюмо, но Сергей подозревал, что мысленно он потирал руки и меркантильно улыбался, подсчитывая будущие траты. А траты, как оказалось, немного – квартира в Евпатории и домик на соседней улице.

Когда к Валентину Пестроухову обратился незнакомый мужчина с просьбой продать ему дом, сказать, что он удивился, это ничто не сказать, он собирался выгнать его взащей. Но разве может культурный сельский мужик выгнать такого же культурного незнакомца. Да и любопытство разыгралось и требовало продолжения. Предвкушая начало примечательного события, о котором можно будет вспоминать по случаю и без него, Валентин продолжил беседу с Сергеем. И кстати не зря – тут к гадалке не ходи.

Валентин не стал предрекать себе тяжелый разговор с женой, точнее монолог, который последует после его заявления о продаже дома, может с битьем посуды и оскорблениями. Ну, разве ж это обидно, когда банковский счет пухнет от миллионов. Это не единственное положительное последствие беседы с Сергеем. О чем он тут же сообщил мужчине:

– Пока дочь не подрастет, можно квартиру сдавать. Приданное у нее отличное будет. Она все равно в деревне не хочет жить. Куплю участок с сараюшкой и из него конфетку сделаю. Строительно-архитектурная практика у меня уже имеется. А ты-то чего сам на соседней улице дом не купил?

– А мне этот нужен – признался Сергей и пояснил – это дом моего деда. Он мне дорог.

Сергей догадывался, что если бы торг продолжился, то пришлось бы выложить стоимость эквивалентную трем квартирам в Евпатории и небольшому участку на луне. Разочарование и расчетливые выводы Сергей не стал читать, хотя Валентин не скрывал их – не справлялся с мышцами лица.

Будучи человеком закаленным суровыми уроками бизнеса, Сергей пожал руку и закончил разговор. Оставалось за малым – подписать договор купли-продажи. Труд еще тот – недооцененный – очень важный и ответственный. Любая малейшая ошибка вплоть до запятой имела необратимые последствия.

Но, видимо, на этом его невезения закончились. Договор благополучно подписали, дедовский дом перешел во владения внука.

Ностальгия, будучи девушкой капризной и непредсказуемой, заткнулась навсегда.

Зато Сергей чувствовал себя счастливым, хотя иногда вечерами накатывала тоска. Ужасная. Тягучая, как смола. Она сковывала движения и затягивала в толщу густых воспоминаний.

В тот день он ходил с подругой к реке. Громкое название местного водоема, но за неимением другого приходилось довольствоваться этим. Хотя в десяти километрах прекрасное Черное море, но без родителей никого не отпускали – возраст не позволял. Именно там он узнал о смерти бабушки и дедушки. Это была не просто смерть. Это было жестокое

убийство. Сергей старался никогда не задумываться, что бы было с ним, не пойдя он к реке, но отец частенько обсуждал это с мамой. Это был последний день, когда Сергей был в деревне Зерновой. Больше они никогда сюда не приезжали.

Его не пустили в дом. Он не видел растерзанные тела родственников. Он чувствовал горе. Это было страшно.

Он как будто провалился в яму с черной смолянистой жидкостью. Не чувствовалась земля под ногами. Все было зыбко. Она засасывала. Он терял контроль над ситуацией. И старался быстро выкарабкаться из воспоминаний.

Необъяснимый страх присутствовал и сегодня. Позже Сергей поймет, что нельзя игнорировать интуицию, даже если она еле шепчет.

Он занервничал. Какая-то сила толкала его из комнаты, намекая, что он слепец. Сергей установил камеры видеонаблюдения, как только переехал в дедовский дом. В сельской местности это было диковинкой, но новейшие технологии необходимо было вводить в эксплуатацию именно с этого дома. Плохо, что двадцать лет назад этого ничего не было. Не факт, что преступников это бы остановило, но были гарантии на их поимку.

Всевидящее око электронной промышленности не подвело. На мониторе мужчина крался вдоль забора, пытаясь, как показалось Сергею, вдавиться в него, быть одним целым. Он пригнулся. Присел. Встал. Дотянулся до ветки персикового дерева и потянул её вниз. Сергей не хотел, чтоб его ос-

новой работой стало – гнать малолетних воришек персиков, как будто ему заняться больше нечем. Но парнишка накинул капюшон и оглянулся. Забеспокоился. Занервничал, но притих. Постоял, прислушиваясь, и побежал.

Сергей незамедлительно скопировал запись на диск. Что она могла ему дать, он не знал, но почему-то боялся ее потерять. Визуализация превыше всего.

Он задумался, но от мыслей его отвлекли следующие кадры. Это касалось не только кадров экранных, но и на экране. Ими оказались трое мужчин, под предводительством участкового Бориса.

И каково же было его удивление, когда он вышел к незваным гостям и выяснил, что предводителем оказался не Борис, а майор Фёдоров, а потом ему объявили, что пришли они арестовывать за убийство Анны Симоновой. Вот такой вот перформанс. В главной роли – Сергей.

Рита настроилась на продуктивный обход сельских улиц, не догадываясь, что ей не придется этого делать. Оксана позвонила, когда она подходила к Ромкиному дому. Узнав, чем собирается заниматься любознательная журналистка, подруга напросилась в компанию. Договорились встретиться. Тем более Рита хотела порасспрашивать одноклассницу о Ромке и Ане.

Рита устроилась на лавочку возле подъезда и задала себе

логичный вопрос: «Зачем мне это надо?» Он прозвучал в голове колокольным звоном. Одиночество имело побочное действие – заставляло погружаться в раздумья. И Рита не стала отказываться от грустного «удовольствия» проанализировать ситуацию, в которой невольно очутилась.

Маргарита Белозёрова – в прошлом журналист процветающего журнала никогда бы не добилась успеха в профессии, если бы с завидной периодичностью не влезала в расследования. Совсем недавно она побывала на мероприятии с громким названием «Бал предпринимателей», в результате которого очутилась в эпицентре расследования убийства профессора и его жены. Тогда её толкало желание поиска сенсации, и двигали жилки любопытства. Сегодня всё было по-другому, она хотела разобраться в деле, чтобы сердце не надрывалось от горя. Убедившись в своих внутренних потребностях души, она ответила себе на вопрос. Ответ был до банальности прост: «Очень трудно изменить себя».

На лавке напротив нее лежала кучка телефонов, а на детской площадке компания подростков гоняла футбольный мяч. Естественно, они являлись хозяевами той самой кучки телефонов, точнее каждого по отдельности. Мальчишки кричали, проявляли восторг от активных игр. Когда-то и кто-то Риту дезинформировал, она думала, что нынешняя молодежь подобного возраста умеет играть в футбол только при помощи двух пальцев на правой руке, перещелкивая кнопки компьютерной мыши. Она оценила прелести сель-

ской жизни и вспомнила свое детство. Каких-то двадцать лет прошло, а юное поколение также активно и общительно, несмотря на разрекламированную социофобию.

Она цепким, въедливым взглядом – результат полученной профессии – обсмотрела все окна многоэтажки. Не нашла ни одного жителя, сидящего у окна с биноклем (вот уж неве-зуха), потенциальные свидетели убийства растаяли прямо на глазах. Даже профессиональный взгляд не помог.

Зато, как говорится, на ловца и зверь бежит. Так и случи-лось. Не совсем зверь, скорей, информационная сорока. Из подъезда вышла Марина Григорьевна – ее строгость испы-тывали все, кто учился в школе, когда она работала там тех-ничкой (Рита не исключение). Женщина мыла коридоры и прикрикивала на детей за то, что топчутся по мытому полу. Кричала без злости, но громко, поэтому казалось, что она сейчас догонит тебя и отхайдокает шваброй. Тогда это слово не казалось смешным.

– Сейчас я тебя отхайдокаю! Сам полы будешь мыть! Дома у себя топчи.

Сегодня она была без швабры и не кричала. Охала.

– Риточка, ты к Роме? А его нет. Ты ведь знаешь, что слу-чилось? Анечку Симонову убили.

Женщина осмотрелась по сторонам и тяжело вздохнула. Рита считала её внутреннее состояние. Все односельчане, ко-торые уже знали о случившемся, испытывали подобное бес-покойство. Время обычной спокойной жизни закончилось в

тот момент, когда убили Аню. Произошло двойное убийство человека и спокойствия.

– Знаю, Марина Григорьевна. А вы ночью ничего не слышали? – поинтересовалась Рита, упуская информацию, что утром нашла Анну. Рита расценивала Марину Григорьевну как неисчерпаемый источник дополнительной информации.

– Ужас. Из-за спины. Прямо по голове. Прямо насмерть. Столько лет никого не убивали. А тут опять.

– В смысле?

– Я сейчас у Сереженьки работаю. Такой мальчик хороший. Молодец. Толковый. Трудолюбивый. Ферму в аренду у главы взял. Помнишь, ту, которую глава наш всю жизнь держал? А сейчас он большая шишка. Ему некогда. Хотя, постарел сильно, вот и сдал в аренду. Устал. А я Сереженьке по дому помогаю. Убираю и есть готовлю. Ему же некогда. Так ты помнишь?... хотя ты маленькая была еще. Тогда убили его дедушку и бабушку.

Женщина присела рядом и сложила руки, как будто собиралась молиться.

– Помню. Марина Григорьевна, а что произошло тогда?

Дополнительная информация никогда не помешает, тем более приправленная личным интересом. В разговоре присутствовала скрытая пикантность.

– Вот и Сереженька у меня спрашивал. Так никто ж не знает. А сегодня ночью Анечку убили. В соседней квартире.

– Вы ничего не слышали?

– Ложусь я рано – Марина Григорьевна восстанавливала в памяти события вчерашней ночи. – В десять уже сплю. В два просыпаюсь. Новости смотрю. Но их лучше не смотреть. Сериалы люблю. Мелодрамы. Сын спутниковое телевидение провел. Там сто каналов с фильмами. Пульт закипает, когда я кнопки переключаю. Потом могу заснуть под утро, ну это если фильм интересный не найду.

– А сегодня? – поторопила Рита.

– Сегодня я проснулась в два. Молодая была – всю ночь спала. Старость не в радость.

– И что?

– Ничего. Тихо было. Я бы услышала. Наверное, этот ужас уже случился.

Рита не надеялась, что в первом же человеке найдет ценного свидетеля убийства, но все равно расстроилась, что соседка из-за тонкой стеночки не расслышала никаких звуков, похожих на ругань, драку и ужасное преступление. Марина Григорьевна и сама расстроилась, повздыхала, поохала и заметила кучку гаджетов на соседней скамейке.

– Ой, а я не пойму, это телефоны наших разгильдяев?

– Спортсменов – машинально поправила Рита.

– Васька! – крикнула заботливая бабушка в сторону игровой площадки. – Василий! Телефон разобьешь, я тебя отхайдокаю. Ладно, Риточка, я пойду. А то Сереженька голодный останется. Васька! Телефон не забудь.

Рита проводила взглядом Марину Григорьевну и задума-

лась.

Несмотря на то, что переехала Рита из деревни в город недавно, но успела потерять из виду друзей. Да так, что и не знала, кто и чем занимался. А у бабушки спрашивать было бесполезно, она никогда не собирала слухи об односельчанах. Да и факты об одноклассниках внучки ее тоже не интересовали.

Бывший одиннадцатый класс закрыл дверь школы и разлетелся по свету. Общаться перестали, видаться перестали, разговаривать по телефону не торопились. Наступила взрослая жизнь и ответственность за личное будущее. Получение профессии, стремление получить хорошую работу и оправдать надежды руководства – вот что стало во главе ее жизненного кредо. Работа кипела, и каждый варился в собственных делах. Не то чтобы она об этом жалела, просто сейчас осознала, что некоторые движения к цели оказались безрезультатными потугами. Спасибо бывшему начальнику Ковылеву. Все несбывшиеся мечты и неоправдавшиеся надежды всегда будут висеть над ней тенью. Испытывать на собственной шкуре несправедливость всемогущего человека оказалось болезненно. Рита подозревала, что от этого рока ей не избавиться. Даже если ей позволят работать по профессии журналиста, темная слава, которой ее обеспечил главный редактор, будет преследовать постоянно.

Неизвестно куда бы завели ее размышления, если бы не Оксана. Она вынырнула из-за угла, пробралась под балкона-

ми и выпорхнула возле подъезда, сокращая путь.

Рита обрадовалась ей, хотя повод для встречи был совершенно не радостный. Человеческие чувства никто не отменял, обменявшись сочувствием, плакать друг другу в жилетку по поводу ужасной кончины Симоновой подруги не стали. И так было понятно, что слезами делу не поможешь. Желания Риты – действовать – совпадали с Оксаниными.

– Чье это имущество? – мимоходом поинтересовалась Оксана, указывая на кучу телефонов.

– Футбольной команды – кивнула Рита в сторону детской площадки.

– Безответственное отношение.

– Да кто здесь их возьмет?

– Мало ли. Вон преступность цветет буйным цветом. Убивают. Скоро и до ограбления дойдет. Ладно, пошли отсюда, боюсь мяча.

– Что?

– Неуправляемый мяч на детском спортивном мероприятии – очень болезненный предмет. Мне всегда везло, вспомни, он постоянно попадал мне в лоб.

Рите показалось, что Оксана не чувствует границ в перепаде настроения и она прямо спросила, пропуская ее в подъезд:

– Оксана, ты чего такая нервная?

Оксана задумалась и медленно ответила, подбирая слова:

– Да как-то все навалилось. Малой приболел. Хорек за-

велся. Курей душит. Вот уж напасть. Представь, они ему не нужны. Съесть он ведь десяток не сможет.

– Десять курей передушил? – посочувствовала Рита. Кажется, хорек единственное животное, которое убивает больше, чем требует его желудок. Вот уж азарт охоты. И всем известно, что поймать его сложно. И последствия его соседства очень плачевны.

– За одну ночь.

– Надо ловить.

– Ненавижу подлых... – Оксана подумала и пояснила – хорьков.

Рита набегу рассказала Оксане разговор с соседкой. Поквартирный обход не принес результата. Вообще. Никакого. Никто ничего не слышал. Одни в это время уже спали, другие, наоборот, смотрели телевизор. Бич современности – не замечать реальность, погружившись в выдуманные телешоу. Ничего удивительного, ведь звуки из динамиков телевизоров приятнее и безопаснее. Никто и не спорит.

– Как будто ее не здесь убили, а приволокли уже мертвую – высказалась Оксана, медленно преодолевая последние ступеньки к цели.

Последняя квартира ей не нравилась, вернее хозяева, а если быть точной в ней ей не нравилось все. Эту квартиру они оставили напоследок, хотя она была первой в подъезде. Она обреченно остановилась возле двери, как будто надеясь, что Рита передумает звонить в дверь. Рита не передумала, а ре-

шительно нажала на звонок. За дверью шумели, как будто все болельщики футбольной команды региона заселились в эту квартиру.

– Нет, ее точно здесь убили – задумчиво размышляла Рита, вспоминая лужу крови.

– Ну, я не оставляю эту версию. Всякое может быть. Просто никто ничего не слышал.

– Да, Ромка, многое мог бы рассказать.

– Куда же он делся? – задумчиво протянула Оксана.

– Сбежал. Испугался и сбежал.

– На него это не похоже. Он ведь во всех драках первым был. Хотя здесь нехорошее сравнение, он ведь и зачинщиком всегда был.

– Он испугался, что его обвинят, и сбежал – настаивала на своем Рита.

– Ты считаешь, что это не он ее убил? – удивилась Оксана.

– Не знаю, Оксан. А ты что думаешь?

– Нужно идти к Боре. Пусть участковый нам откроет правду.

Рита так и не поняла, но ей показалось, что Оксана скрывает свои настоящие мысли. Но настаивать на ответе не стала. Подруга была нервно возбуждена. На нее сильно подействовало убийство одноклассницы. Она не пыталась скрыть нервное напряжение. Каждое слово давалось ей с трудом, как будто она подыскивала нужное, как будто мысли ее были далеки, но ей приходилось общаться, разговаривать, ходить,

спрашивать, вникать, искать. Рита присмотрелась к подруге, точнее прислушалась, и поняла, что ей все показалось. Наверное, сама Рита была в таком состоянии, что приходилось подбирать слова, и выдавливать из себя движения вперед – искать, общаться, разговаривать. Нервное напряжение не пройдет без последствий – обязательно скажется на скверном голосе и такой же мимике. Решила держаться с Оксаной в паре – так все-таки легче пережить смерть подруги.

Грустно было осознавать, что Оксана утихомирила свой пыл по отношению к Анне только сейчас. Посмертно.

В открытую дверь с улицы проникало свежее теплое дыхание воздуха. Рита снова нажала на кнопку звонка. Дверь открылась настолько резко, что Рита поблагодарила всевышнего, что уберег ее от удара. Быть прибитой дверью – недостойное травмирование. Зато в лицо подругам ударил аромат кислой капусты вперемешку с сыростью, обжитой плесневелыми грибками. Из квартиры выскочили трое совсем маленьких детей – один выше другого сантиметров на три, что позволяло сделать вывод – мать их рожала каждый год. Четвертой вышла девочка лет тринадцати. Не то чтобы Рита была специалистом подростковой души, но будучи человеком внимательным, заметила слезы в глазах девочки. Хватило двух секунд, чтобы определить – слезы на грани – либо они сейчас высохнут, либо польются потоком. Смотря, что выберет девочка и насколько силен ее характер.

Девочка взяла себя в руки и процедила сквозь зубы за-

мысловатый мат, не сильно обеспокоившись, что его услышали все, а некоторые еще и попытались запомнить, так как впервые услышали (возможно, такой была только Рита, а не малышня).

Из квартиры донесся голос матери, нежно кричащей:

– Ирка, домой можете не возвращаться!

Мальчики постарше помчались на улицу. Ира взяла за руку самую маленькую, но та вырвалась и поскакала по лестнице. Оступилась. Плюхнулась на пол. Всхлипнула и сказала:

– Я упала в лесничную яму.

Ира подхватила ее на руки и вышла на улицу. Рита проводила их грустным взглядом.

– Верка! – крикнула Оксана. – Хватит ругаться, выходи!

Из глубины квартиры слышались шаркающие шаги, и на свет вышла отекая женщина. На ней была майка-алкоголичка, явно позаимствованная у человека, размеров на шесть больше ее. Грязный бюстгальтер виднелся из-под растянутого материала. Волосы не расчесывались несколько дней. Рита с трудом узнала бывшую одноклассницу.

– Здорово. На встречу приду. Только не ждите от меня похвалу учителям. Историчка Ирке моей двойку вляпала за то, что та не знает историю древнего Китая. А оно нам надо? Пусть бы историю России преподавали. А математичка... ой, нет, она же сейчас алгебра и геометрия...

Вера всю жизнь была эксцентричным человеком. Унять ее было не просто. Рита подозревала, что вообще нельзя, и

вряд ли это возможно. Но будучи человеком позитивным и оптимистичным, в ней брезжила надежда.

Оксана быстро выставила руку вперед и поторопилась расставить все точки над русской буквой «Ё».

– Мы к тебе не успеваемость детей пришли обсуждать.

– О, Ритка, привет. Тебя и не узнать.

– Тебя тоже – честно призналась Рита.

– Ладно, проходите. У меня чай есть.

Оксана попыталась возразить – ну не нравилась ей квартира со всем содержимым – но Рита опрометчиво переступила порог и поплелась за хозяйкой.

– Не обращайтесь внимание. У меня грязновато – сильно приукрашивала Вера. – Ирка забрала малых и к отцу ушла. Но я не обращаю внимание. У нее переходный возраст. Она каждый день уходит. Через неделю вернется.

– Вера, у тебя с календарем проблема – заметила Оксана. – Каждый день уходит и через неделю возвращается. Древние майя и то лучше в датах разбирались.

– А почему уходят-то? – поинтересовалась Рита, сочувствуя детям. Нежная психика детей Веры уже пострадала. На очереди Ритина.

– Говорит, у меня жрать нечего. Как будто он их прокормит.

– Сам не кормит – со знанием дела прокомментировала Оксана, – а свекровь твоя в них души не чает. Дети тянутся к хорошим людям. – Опережая возражения, Оксана заинте-

ресованно поинтересовалась – ты развелась?

– Поматросил и бросил – хмыкнула Вера.

– Пять раз?

– У тебя пятеро детей? – вытаращила глаза Рита.

– Ну, Ритка, ты совсем одноклассниками не интересуешься? – разочарованно протянула Вера, картинно приложив руки к груди.

Рита невольно «залюбовалась» ее обшарпанным кроваво-алым маникюром. Под такими ногтями можно найти кусочек рыбы и крупно нарезанный салат. Надеясь, что Вера имеет пилочку и регулярно избавляется от ненужных продуктов, Рита оторвала шокированный взгляд. Вера, заметив спад интереса к своей красоте, выставляла замусоленные кружки на стол.

С внутренней стороны кружки тоже редко мылись, поэтому Рита согласилась с внутренним голосом, нежно предупреждающим об опасности бактерий. Вера разлила кипяток по трем кружкам и продолжила упрекать:

– Я, вообще-то, во всех социальных сетях зарегистрирована. Фотки выставляю. Лайкаю. Постю. – Она засветилась, вспомнив новость – слушайте последний лайфхак – чтобы бульон стал прозрачным, в него нужно кинуть лавровый лист.

– Ты столько слов новых знаешь – неодобрительно заметила Оксана. Она постояла в дверном проёме, боясь даже прислониться к чему-то, чтоб не испачкаться, но решилась

пройти и сесть на табурет.

– Ой, да ладно, тебе. Поняла бы, что Рита мне замечание делает – ее же в институте учили красивым литературным русским языком разговаривать.

Рита не успела ответить, Оксана опередила:

– Вообще-то я про бульон говорила. Насколько я поняла, у тебя еды никогда нет. Когда у тебя время есть в социальных сетях сидеть и за детьми смотреть?

– А я не смотрю.

– Оно и видно.

– Зато у меня их пять. А ты одного родила и не знаешь от кого.

Она с грохотом поставила чайник на стол, задев грязную ложку. Та отскочила и плюхнулась Оксане на колени. Оксана не скрывала своего раздражения. Она зыркнула на Верку испепеляющим взглядом. Вера в ответ процедила:

– Ну, извините. Застирнёшь и пятна не останется.

– Вообще-то, я знаю кто отец моего сына. Просто не вижу необходимости трезвонить на всю округу. И вообще, не суетись. Чай мы пить не будем – ответила она за двоих. – Лучше скажи, что ночью слышала?

– Слышала, как Ирка ночью пришла. Вот где она шлялась? Я ей раздолбон устроила. Еще не хватало мне внука принести. В моем-то возрасте бабушкой стать не хочется. А я даже не знаю, кто у нее друзья. А пацан точно есть, только и слышно хи-хи-хи, ха-ха-ха. То по телефону чирикает, то под

окнами на лавочке. Мы в их возрасте такими не были. Скоростные.

– Кто бы разглагольствовал о скорости, ты в двадцать уже третьего родила.

– Оксана, спасибо, что напомнила. Я успела отучиться одиннадцать лет. А Вовка был романтиком. Сразу на выпускном мне Лешку заделал. Прямо на ступеньках черного входа у школы.

– Давай без подробностей вашей бурной сексуальной жизни – предупреждающе попросила Оксана. – Ты вообще знаешь, что Симонову убили? У Ромки в квартире.

– Знаю. А тебе ее жалко?

– При чем здесь жалость? – опешила Оксана. – Так слышала или нет?

– Слышала. Но я живу на первом этаже, а Ромка на третьем. Между нашими квартирами целый этаж и пустая квартира. Год назад бабушку Прасковью вперед ногами вынесли. С тех пор там никто не живет. Но иногда, – Вера обвела взглядом подруг и понизила голос – мне кажется я слышу ее шаги. Сто процентов привидение ходит.

– И топает – хмыкнула Оксана.

– Да, я честно тебе говорю. Недавно слышала, что вода шумит. На кухне.

– Даже привидения кружки моют – съязвила Оксана.

– Не веришь, не надо – обиделась Вера. Ее мистический секрет не нашел отклика у одноклассниц. Вывод напраши-

вался сам по себе. Значит, не стоит о нем трепаться по деревне. Может тогда привидение бабки Прасковьи успокоится и уйдет. – Ну, так что? Когда встречаемся? Может, в бар сходим, посидим?

– Бар твоё излюбленное место? – изумилась Оксана. – Один – в бегах, другую – убили. А тебе лишь бы в баре посидеть. Так что ты слышала вчера ночью? – повторила свой вопрос Оксана.

– Если бы Аню перед убийством пытали и она верещала, я бы все равно ничего не услышала.

– Почему?

– Тебе ещё раз повторить? Ирка пришла, я её воспитывала. Мелкая проснулась, ну младшая моя, и давай орать. Я на старшую ору, младшую успокаиваю. В общем, орали в три глотки, и я заснула часа в два. А проснулась, когда полиция в дверь ломилась. Нашли место, где убивать. Вообще неподходящее место. Есть места, которые подходят для убийств, а некоторые – менее. Вот, например, курортный пансионат – не темный переулок. А дом полный детей – место для убийства?

Рита почти все время молчала. Она с нескрываемым сочувствием осматривала обстановку квартиры. Живописный беспорядок. Бесхозяйственность читалась в каждой мелочи. Заляпанная жиром фоторамка покосилась, дети на снимке завалились на бок, без помощи матери сложно встать на ноги, даже на фотоснимке. Чайник в пятнах пригоревшей гря-

зи. Кружки в подтеках чайной заварки. Окурки на подоконнике возле пепельницы. Учебник по физике седьмого класса на микроволновке. Пластилин наклеен на ручки дверцы ящиков стола. Один носок возле балконной двери, второй, возможно, на балконе, хотя не обязательно они должны быть близко друг к другу, возможно он на ком-то из детей.

Рита никак не могла понять, почему женщина, которой бог дал детей, относится к жизни безответственно.

– Ничего не слышала, значит – проямлила Оксана себе под нос. – Пошли Рита. Рита! Пошли!

Выйдя на улицу и насладившись прелестью свежего воздуха, Оксана подытожила:

– Фу, наконец-то вышли.

Обычно Рита старалась не обсуждать людей за спиной, если это не касалось журналистского задания, сегодня журналистская профессия была перечеркнута жирной линией, зато хотелось пойти по примеру Оксаны, и Рита подытожила:

– Не знала, что все так плачевно. В следующий раз придем к Вере не с пустыми руками. Возьмем конфет и печенья.

– А я брезгую. – Оксана неумышленно подтвердила свои слова, передернувшись. – У меня даже волосы на руках больше ухода получают, чем у неё на голове. Заметила грязный бюстик?

– Нет – соврала Рита и честно призналась – мне ее жалко. Надо будет в следующий раз прийти с печеньем и конфетами.

– Да, все, Рита, – нервно пробубнила подруга. – Все уже поняли, что ты благородная, жалостливая женщина.

– Кто, все? – не поняла Рита.

Оксана дернула ветку куста, сорвала с нее горсть листьев и растерла их, испачкав пальцы зеленью. Она нервничала. Рита не могла понять, чем разозлила подругу. Она не смотрела в глаза. Раздраженно наблюдала за мальчишками. Но футбол ее не привлекал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.